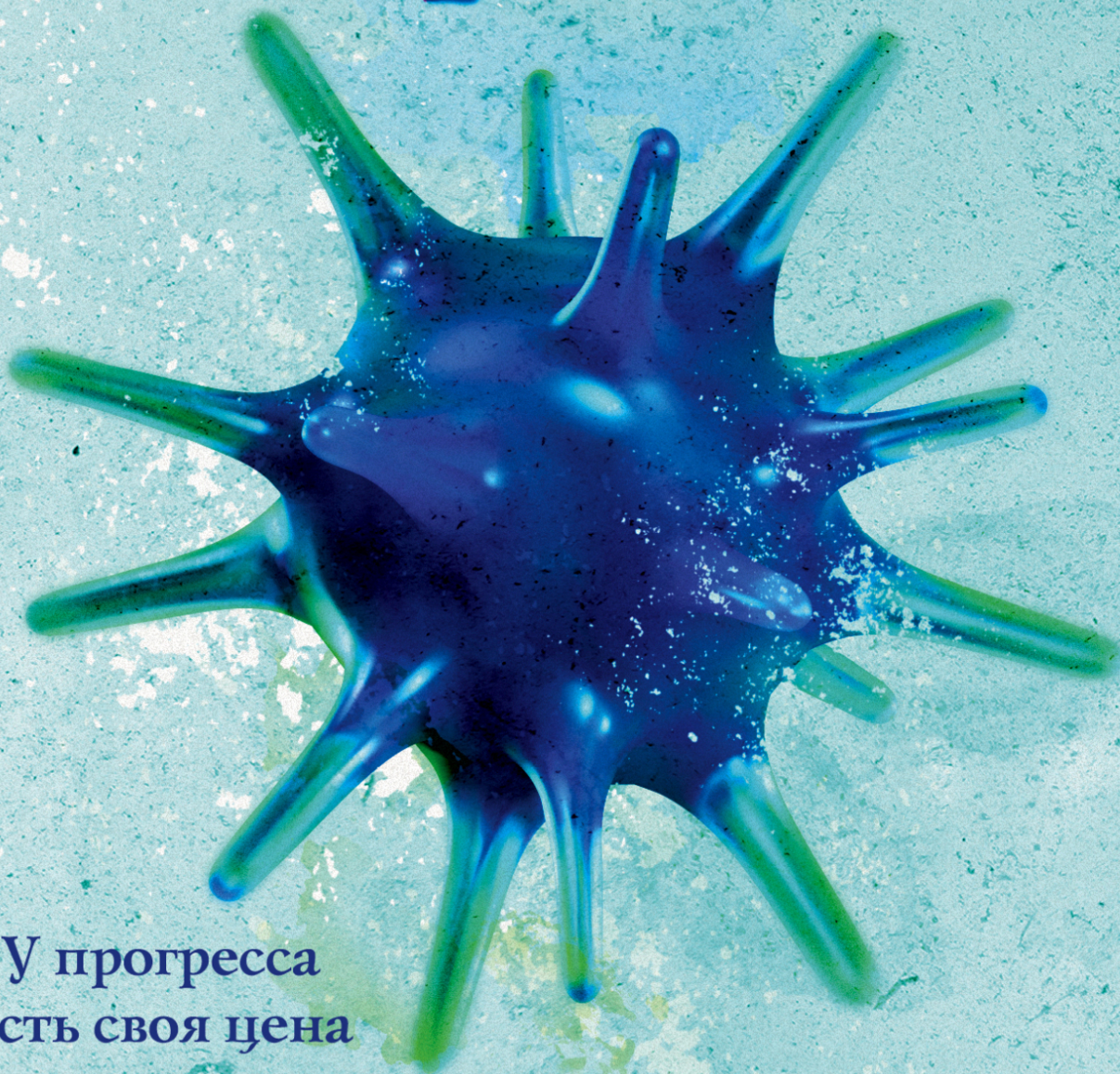

Штамм «Андромеда»

У прогресса
есть своя цена

Майкл
КрайтОН

Эксклюзивная фантастика (Эксмо)

Майкл Крайтон

Штамм «Андромеда»

«ЭКСМО»

1969, 2004

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)-44

Крайтон М.

Штамм «Андромеда» / М. Крайтон — «Эксмо», 1969,
2004 — (Эксклюзивная фантастика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-172040-7

Спутник-зонд падает на землю и приземляется в пустынном районе на северо-востоке Аризоны. Ближайший к этому месту город полностью вымирает: груды тел лежат на земле, на лицах застыло удивление. Из всех жителей уцелели только двое: старик и ребёнок. Но кошмар только начинается... Захватывающий триллер от автора «Парка Юрского периода» и «Сферы» о смертоносном внеземном микроорганизме, который угрожает уничтожить человечество.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-172040-7

© Крайтон М., 1969, 2004
© Эксмо, 1969, 2004

Содержание

Благодарности	7
День 1	9
1. Земля без конца и края	9
2. Ванденберг	11
3. Кризис	14
4. Тревога	22
День 2	24
5. Первые часы	24
6. Пидмонт	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Майкл Крайтон
Штамм «Андромеда»

Посвящается доктору А.К.Д., который первым поднял эту проблему.

«До этого момента польза интеллекта для выживания человеческого рода не была наглядно доказана».
Джеремии Стоун

«Прогресс обходится нам все дороже».
Р. А. Янек

Michael Crichton
The Andromeda Strain

Copyright (c) 1969 by Centesis Corporation
Copyright (c) 2004 by Michael Crichton

Перевод с английского *В. Алтаева*

© Алтаев В., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

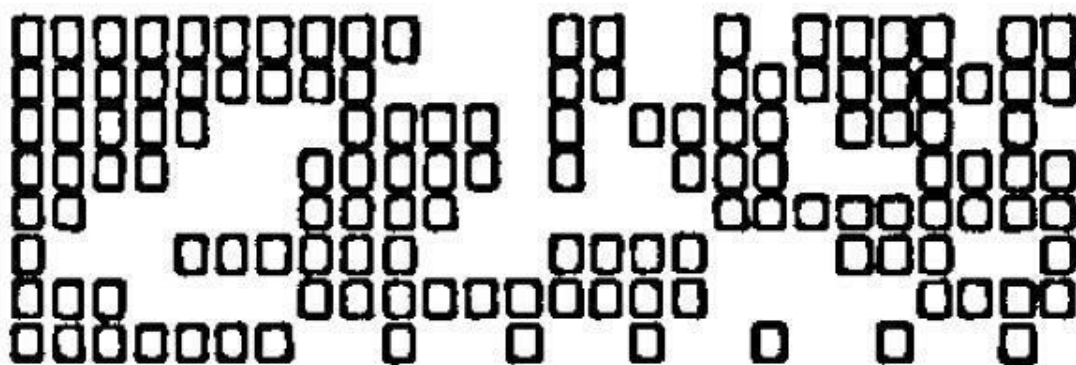
Доступ неуполномоченных лиц к материалам дела карается лишением свободы сроком до 20 лет и штрафом 20 тысяч долларов.

**НЕ ПРИНИМАТЬ ОТ КУРЬЕРА В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ
ЦЕЛОСТНОСТИ ПЛОМБЫ**

В соответствии с законодательством курьер обязан потребовать удостоверение № 7592. Без предоставления идентифицирующего документа передача файла запрещена.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ ОБЗОР СМ. НИЖЕ

MACHINE SCORE REVIEW BELOW

Благодарности

В данном произведении вашему вниманию предлагается описание крупнейшего американского научного кризиса, продлившегося пять дней.

Как и в большинстве подобных критических ситуаций, все события, связанные со штаммом «Андромеда», являли собой смесь предвидения и безрассудства, неведения и невежества. Едва ли не все участники данного инцидента показали не только свои блестящие умственные способности, но еще и моменты непостижимой глупости. Поэтому невозможно писать о данных событиях, не задев некоторых людей.

Тем не менее данную историю крайне важно предать огласке. Наша страна содействует крупнейшим научным учреждениям в истории человечества. Наши ученые постоянно совершают новые открытия, многие из которых имеют важный политический или социальный подтекст. Нет никаких гарантий, что в ближайшем будущем нас не ждет развитие новых кризисов вроде «Андромеды». Таким образом, я считаю, что для общественности будет полезно узнать о возможных причинах и методах борьбы с подобными случаями.

Во время изучения этих событий мне великодушно помогали многие люди, поощрявшие меня изложить эту историю как можно точнее и подробнее.

Выражаю особую благодарность генерал-майору Уиллису А. Хаверфорду, Сухопутные войска США; лейтенанту Эверетту Дж. Слоану, ВМС США (в отставке); капитану Л. С. Уотерхаусу, ВВС США (Отдел особых проектов базы «Ванденберг»); полковнику Хенли Джексону и полковнику Стэнли Фридриху (база ВВС «Райт-Паттерсон»); а также Мюррею Чарльзу из пресс-службы Пентагона.

За помощь в изучении предыстории проекта «Лесной пожар» хочу поблагодарить Роджера Уайта, НАСА (Хьюстон); Джона Робла, НАСА, Комплекс Кеннеди № 13; Питера Дж. Мейсона, разведка НАСА (Арлингтон-Холл); доктора Фрэнсиса Мартина, Калифорнийский университет (Беркли) и Президентский консультативный научный совет; доктора Макса Бирда, Информационное агентство США; Кеннета Ворхиза из пресс-службы Белого дома и профессора Джонатана Перси, Чикагский университет (Кафедра генетики).

Также за вычитку нескольких глав данной рукописи, а также за технические исправления и предложения хочу поблагодарить Кристиана П. Льюиса из Центра космических полетов имени Годдарда; Герберта Станча, из Avco, Inc.; Джеймса П. Бейкера, Лаборатория реактивного движения; Карлоса Н. Сандоса, Калифорнийский технологический институт; доктора Брайана Стэка, Мичиганский университет; Эдгара Блэлока, Гудзоновский институт; профессора Лайнуса Кьеллинга, корпорация RAND; доктора Элдриджа Бенсона из Национального института здравоохранения.

Наконец, выражаю огромную благодарность участникам проекта «Лесной пожар» за изучение так называемого штамма «Андромеда». Все они согласились встретиться со мной, и многих я опрашивал целыми днями. Кроме того, мне разрешили использовать стенограммы их совещаний, которые хранятся в Арлингтон-Холле (седьмая подстанция) и занимают более пятнадцати тысяч страниц машинописной рукописи. Данный материал, записанный в двадцати томах, представляет полную историю событий, произошедших во Флэтроке, штат Невада, и изложенную каждым из ее участников. При подготовке сводного отчета мне пригодились все отдельные точки зрения.

Мое повествование посвящено довольно сложным и техническим научным вопросам. Я по возможности пытался разъяснить некоторые термины, проблемы и методы их решения, и все же избегал соблазна упрощать как вопросы, так и ответы. Однако я заранее приношу свои извинения, если читателю порой придется продираться сквозь толщу технических деталей.

Но, помимо этого, я также попытался передать все напряжение и волнение этих пяти дней, потому что история «Андромеды» – это настоящая драма, полная как глупых и фатальных ошибок, так и героических поступков и победы разума.

М.К.

Кембридж, Массачусетс

Январь 1969 года

День 1 Контакт

1. Земля без конца и края

Мужчина с биноклем. Так все и началось одним зимним вечером: с мужчины, стоявшего у пригорка на обочине дороги, которая вела к маленькому аризонскому городку.

Лейтенант Роджер Шон с трудом держал бинокль в руках. Металл морозил кожу, а плотная куртка и теплые перчатки только замедляли движения. Шон со свистом выдыхал в залитый лунным светом воздух клубы пара, от которых запотевали линзы. Время от времени он протирал их большим пальцем.

Он даже не подозревал, насколько тщетны были его действия. Для изучения тайн этого города бинокли были бесполезны. Он был бы удивлен, узнав, что люди, которые в итоге раскрыли его секреты, использовали инструменты в миллион раз мощнее обычного бинокля.

В образе опершегося о валун Шона с биноклем в руках было одновременно что-то грустное, глупое и такое человеческое! Несмотря на неудобства, он хотя бы ощущал в своих руках привычную и приятную тяжесть. Это будет одно из последних его знакомых ощущений перед смертью.

Мы можем только представить и попытаться воссоздать дальнейшие события.

Лейтенант Шон медленно и методично обводил местность взглядом. Городок был небольшой, всего с полдюжину деревянных зданий, возведенных вдоль главной улицы. Кругом было тихо: ни огонька, ни движения, ни звука, разносимого легким ветерком.

Затем он переключил свое внимание на окружающие поселение холмы. Невысокие, пыльные и плоские возвышения были покрыты жухлой растительностью и редкими островками сухих деревьев юкки, слегка припорошенных снегом. За холмами виднелись другие холмы, а за ними простиралась бескрайняя пустыня Мохаве. Индейцы называли ее «Землей без конца и края».

Шон вдруг ощутил, как продрог на пронизывающем февральском ветру. Время уже перевалило за десять вечера. Он направился обратно по дороге к фургону «Форд» с большой вращающейся антенной на крыше. Мотор тихо работал вхолостую, его урчание заглушало все остальные звуки. Шон открыл машину и забрался в кузов, захлопнув за собой дверцу.

Его сразу же окутал темно-красный свет: внутри работал ночник, чтобы работнику было проще адаптироваться к уличному мраку. В красном свете электронные панели подсвечивались зеленым.

Рядовой Льюис Крейн, радиомеханик, тоже сидел в куртке. Он склонился над картой, полностью погрузившись в расчеты, и время от времени сверялся с приборами.

– А не ошиблись ли мы, часом? – уточнил Шон у Крейна.

Тот подтвердил, что они на нужном месте. Солдаты сильно вымотались: они выехали из Ванденберга еще утром и провели в поисках спутника «Скуп» целый день. Ни тот ни другой в «Скупах» ничего не смыслили, кроме того, что эти засекреченные капсулы были предназначены для анализа верхних слоев атмосферы и последующего возвращения на Землю. А Шону и Крейну было приказано найти эти капсулы после их приземления.

Для облегчения поиска спутники были оснащены электронными звуковыми устройствами, которые начинали передавать сигнал на высоте восьми километров.

Поэтому фургон был под завязку набит различным радионавигационным оборудованием. По сути, он сам по себе являлся полноценной триангуляционной станцией. Иными словами,

в основе его действия использовали однокорпусную триангуляцию, и это был весьма эффективный, хоть и крайне медленный процесс. Процедура была достаточно простой: фургон останавливался и фиксировал свое положение, принимая направление радиолуча со спутника. На основании этих данных он показывал наиболее вероятное расположение спутника на расстоянии до тридцати двух километров, затем вновь останавливался и высчитывал новые координаты. Таким образом, можно было нанести серию точек триангуляции, и фургон двигался к спутнику по зигзагообразной траектории, останавливаясь каждые тридцать два километра, чтобы исключить возможные закравшиеся в расчеты ошибки. Этот метод занимал бы куда меньше времени при использовании двух фургонов, зато так было безопаснее – руководство посчитало, что две одинаковые машины в одном районе могут вызвать подозрения.

Фургон искал «Скуп» уже шесть часов – и вот они почти достигли цели.

Крейн нервно постучал по карте карандашом и прочитал название города у подножия холма: Пидмонт, Аризона. Население: сорок восемь человек. Эта цифра слегка позабавила мужчин, хотя у обоих было тревожно на душе. По данным базы Ванденберг, на основе радиолокационных наблюдений и 1,410 компьютерных проекций траекторий, расчетная точка посадки (РТП) находилась в двадцати километрах к северу от Пидмонта. Обычно отклонение составляло не более нескольких сотен метров.

Однако сейчас ошибки быть не могло: спутниковый оператор-наводчик находился прямо в центре города. Шон предположил, что кто-то из местных заметил его падение (ведь спутник наверняка раскалился добела от жары), подобрал и привез в Пидмонт.

Подобное развитие событий еще куда ни шло. И все же этот самый житель Пидмонта мог рассказать о своей находке кому угодно: репортерам, полиции, НАСА, армии.

Но пока тишина.

Шон с Крейном вылезли из фургона, дрожа на холодном воздухе, и уставились на раскинувшийся перед ними город.

Кругом стояла тишина, было темно. На заправочной станции и в мотеле не горел свет – а ведь на многие километры вокруг не было ни единой заправки или мотеля.

Тут Шон заметил птиц.

Он увидел, как крупные птицы черными тенями медленно кружат над зданиями на фоне луны. Он удивился, что не заметил их раньше, и спросил Крейна, что тот думает по этому поводу.

Тот по этому поводу ничего не думал и в шутку добавил:

– Может, это стервятники?

– Так вот как они выглядят. Теперь буду знать, – сказал Шон.

Крейн нервно рассмеялся, выпустив в ночь клуб пара:

– Но что им тут делать? Они ведь только на пададь и слетаются.

Шон прикрыл зажигалку ладонями, защищая пламя от ветра, и молча закурил, окинув взглядом очертания городка. Затем еще раз всмотрелся в бинокль, но не увидел никаких признаков жизни или движения.

Наконец он опустил бинокль и уронил сигарету, которая зашипела и погасла на хрустящем снегу.

– Давай уже спустимся вниз и осмотримся.

2. Ванденберг

Почти в пятистах километрах от Пидмонта в огромном, квадратном помещении без окон, в котором размещался Центр управления полетами проекта «Скуп», изнывал от скуки лейтенант Эдгар Комро. Он сидел, закинув ноги на стол, на котором лежала целая стопка научных журналов. Сегодняшнюю ночь Комро предстояло провести на дежурстве в должности офицера пункта наведения. В его обязанности вменялось заступать на ночное дежурство раз в месяц и руководить минимальным составом команды из двенадцати человек. Этим вечером команда курировала передвижения фургона с позывным «Капер-один», пересекающего Аризонскую пустыню.

Комро не любил дежурить. И без того мрачная комната освещалась только люминесцентными лампами, придавая ей чересчур утилитарный вид, что крайне раздражало Комро. Он заглядывал в Центр управления полетами только во время запуска, когда атмосфера внутри менялась до неузнаваемости: помещение заполнялось техниками, корпящими над своими задачами, и все полны своеобразного спокойного предвкушения, которое предшествует запуску космического корабля.

Но по ночам тут было скучно. Ночью никогда ничего не происходило. Обычно Комро тратил свободное время на чтение научной литературы. По профессии он был физиологом, специализировавшимся на сердечно-сосудистой системе, а особенно его интересовал вопрос перегрузок, возникающих при больших ускорениях.

Сегодня Комро листал статью под названием «Стехиометрия кислородно-переносящей способности и градиенты диффузии при повышенном давлении газа в артериальной крови». Статья не представляла особого интереса, и он с трудом продирался сквозь строчки. Поэтому он едва ли не обрадовался, когда из потолочного громкоговорителя донеслась передача от Шона и Крейна.

– Капер-один на связи. Ванда-Дека, прием. Как слышно? Конец связи.

Слегка взбодрившийся Комро подтвердил, что связь в порядке.

– Въезжаем в Пидмонт за спутником.

– Хорошо, Капер-один. Связь не отключать.

– Так точно.

Все согласно регламенту возврата техники, который был прописан в «Руководстве по системным правилам проекта «Скуп». Руководство это представляло собой толстую серую книгу в мягкой обложке, лежащую под рукой у Комро – на краешке стола. Он знал, что разговор между фургоном и базой записывается на пленку, чтобы позже стать частью долговременного архива проекта, но никогда не находил для этого веских причин. Ему всегда казалось, что все проще некуда: фургон выехал, забрал капсулу и вернулся обратно.

Он пожал плечами и вернулся к чтению статьи о повышении давления, вполуха прислушиваясь к голосу Шона:

– Въехали в город. Только что миновали заправочную станцию и мотель. Тихо. Признаков жизни нет. Сигнал со спутника все сильнее. Впереди, через полквартала от нас, церковь. Свет нигде не горит. Никакого движения.

Комро отложил журнал. Он безошибочно уловил какое-то напряжение в голосе Шона. При других обстоятельствах его позабавила бы мысль о двух взрослых мужчинах, которые перепугались маленького сонного городка посреди пустыни. Но Комро давно знал Шона и знал, что, несмотря на все его достоинства, воображения ему совершенно не хватало. Он мог заснуть во время просмотра фильма ужасов – таким он был человеком.

Комро прислушался.

За потрескивающим шумом статического электричества он разобрал урчание двигателя фургона, а затем тихие голоса.

Шон: Как-то тихо.

Крейн: Да, сэр.

Пауза.

Крейн: Сэр?

Шон: Да?

Крейн: Вы это видели?

Шон: Что именно?

Крейн: Там, на тротуаре. Похоже на тело.

Шон: Показалось.

Еще одна пауза, затем Комро услышал, как фургон остановился под взвизг тормозов.

Шон: Черт.

Крейн: Вон еще один, сэр.

Шон: Вроде мертвый.

Крейн: Может быть...

Шон: Нет. Оставайся в фургоне.

Затем он громким и деловым голосом вызвал базу:

– Капер-один вызывает Вандал-Дека. Прием.

Комро взял микрофон:

– Прием. Что там происходит?

Шон напряженно ответил:

– Сэр, тут тела. Много тел. Кажется, все мертвы.

– Капер-один, вы уверены?

– Ради всего святого, – сказал Шон. – Конечно, уверены.

Комро мягко произнес:

– Капер-один, идите к капсуле.

Он обвел кабинет взглядом. Двенадцать мужчин из неполной дежурной команды смотрели на него пустыми, невидящими глазами. Все до единого слушали передачу.

Фургон снова ожил.

Комро скинул ноги со стола и нажал красную тревожную кнопку на консоли. Это действие автоматически изолировало комнату управления полетами и запрещало входить и выходить из нее без разрешения Комро.

Затем он поднял трубку:

– Соедините с майором Менчиком. Менчик. Это очень важно. Я подожду.

Главным ответственным дежурным в феврале назначили Менчика, который отвечал за деятельность программы «Скуп».

В ожидании ответа Комро прижал трубку телефона к плечу и закурил. Тем временем из громкоговорителя донесся голос Шона:

– Они точно мертвы, Крейн?

Крейн: Да, сэр. Они умерли, но, кажется, без мучений.

Шон: Не знаю, и на мертвецов-то они не очень похожи. Чего-то не хватает. Чудно... Но они точно мертвы. Их тут несколько десятков.

Крейн: Как будто они бросили свои грузовики и упали замертво.

Шон: На улицах, на тротуарах...

Вновь тишина, которую вдруг резко прервал голос Крейна:

– Сэр!

Шон: Боже.

Крейн: Вы его видите? Человек в белом, вот он идет...

Шон: Вижу.

Крейн: Он просто переступает через них, словно...

Шон: Он движется к нам.

Крейн: Сэр, если вы не против, мне кажется, нам стоит убираться отсюда...

Затем раздался пронзительный крик, а за ним – потрескивание помех. Тут передача прервалась, и восстановить связь с солдатами так и не удалось.

3. Кризис

Говорят, когда Гладстону сообщили о гибели Гордона Хартунского в Египте, тот только раздраженно пробормотал, что генерал мог бы выбрать и более благоприятное время для своей смерти: его кончина вызвала беспорядки и привела правительство Гладстона к кризису. Однако когда помощник премьер-министра указал на уникальность и непредсказуемость данных обстоятельств, Гладстон как отрезал: «Все кризисы одинаковы».

Разумеется, он имел в виду только политические кризисы. В 1885 году, да и в последующие сорок лет, ни о каких научных кризисах даже вопрос не вставал. Но с тех пор произошло целых восемь крупных и важных происшествий, только два из которых получили широкую огласку. Любопытно, что вышеупомянутые кризисы – открытие атомной энергии и возможность полета в космос – основывались на развитии химии и физики, а не биологии.

Но этого следовало ожидать. Физика стала первой из естественных математических наук, которая всегда шагала в ногу со временем. За развитием физики последовал расцвет химии, но биология, словно умственно отсталый ребенок, вечно плелась где-то позади. Даже во времена Ньютона и Галилея люди знали о Луне и иных небесных телах больше, чем о собственном организме.

Ситуация изменилась только в конце 1940-х годов. Новая эпоха биологических исследований началась в послевоенный период, чему весьма способствовало открытие антибиотиков. Неожиданно на развитие биологии с большим энтузиазмом начали выделять средства, и результат не заставил долго ждать: именно в те времена изобрели транквилизаторы и стероидные гормоны, начали осваивать химическую иммунологию и изучать генетический код. К 1953 году разрабатывали методы трансплантации почки, а в 1958 году уже создали первые противозачаточные таблетки. Вскоре биология удостоилась звания самой быстроразвивающейся отрасли науки; наши познания в данной области за прошедшее десятилетие удвоились. Дальновидные исследователи на полном серьезе говорили о редактировании генома, контроле эволюции, управлении разумом – еще десять лет назад подобные идеи называли не более чем безумными спекуляциями.

И все же о биологическом кризисе не шло и речи. До появления штамма «Андромеда».

Согласно определению Льюиса Борнхайма, кризис – это ситуация, в которой ранее приемлемая совокупность неких обстоятельств в результате включения нового фактора внезапно становится совершенно недопустимой. И не имеет никакого значения, какого характера этот фактор: политического, экономического или научного. Ход событий могут запустить как кончина национального героя, так и рыночная нестабильность или некое технологическое открытие. С этой точки зрения Гладстон был прав: все кризисы действительно одинаковы.

Известный ученый Альфред Покран в своем научном труде по исследованию кризисов («Культура, кризисы и перемены») выделил несколько интересных моментов. Во-первых, каждый кризис начинается задолго до его начала. Например, Эйнштейн опубликовал свои положения о теории относительности еще в 1905–1915 годах – за сорок лет до того, как его работа ознаменовала конец войны, начало новой эпохи и развитие кризиса.

Точно так же в начале двадцатого века американские, немецкие и российские ученые проявляли интерес к космическим путешествиям, но только немцы осознали военный потенциал данной отрасли. А после Второй мировой войны, когда Советы и американцы разобрали и изучили немецкую ракетную установку в Пенернфинде, именно русские энергично взялись за развитие космического потенциала. США же не уделили много внимания этому вопросу, что десять лет спустя привело к американскому научному кризису, связанному с запуском советского «Спутника», американским образованием, межконтинентальными баллистическими ракетами и отставанием в развитии ракетной промышленности.

Покран также обращает внимание, что развитие кризисных ситуаций зависит от действий уникальных индивидуумов и личностей:

«Сложно представить Александра Великого у Рубикона и Эйзенхауэра на Ватерлоо, или Дарвина, который пишет Рузвельту о создании атомной бомбы. Кризис формируют люди своими собственными предубеждениями, приверженностью и предрасположенностями. Кризис – совокупность интуиции и необъективности, понимания и игнорирования фактов.

Однако в основе уникальности всех до единого кризисов все же лежит тревожное сходство. В ретроспективе характерной чертой всех кризисов является их предсказуемость. В них прослеживается некоторая неизбежность и предопределенность. Подобная характеристика верна не для всех кризисов, но большинство происшествий все-таки следует этому принципу, что превращает даже самого закаленного историка в циника и человеконенавистника».

В свете доводов Покрана будет довольно занятно изучить характер личностей, вовлеченных в события, связанные со штаммом «Андромеда». В те времена о кризисе биологической науки никто даже не задумывался, и первые американцы, которые с ним столкнулись, попросту не мыслили правильными категориями. Шон и Крейн были способными, но далеко не глубоко мыслящими людьми, а Эдгар Комро, дежурный офицер на базе Ванденберг, даром что ученый, всего лишь разошелся из-за испорченного спокойного вечера.

Согласно протоколу, Комро позвонил своему начальнику, майору Артуру Менчику, и история приняла совсем другой оборот. Менчик мог разобраться с кризисом даже самых крупных масштабов.

Но даже он не был готов сразу распознать этот самый кризис.

* * *

Майор Менчик с заспанным лицом сидел на краю стола Комро и слушал запись из фургона. После ее окончания он произнес:

– Черт, в жизни ничего страннее не слышал.

Затем вновь прослушал запись, при этом осторожно набил трубку табаком, закурил и утрамбовал.

Инженер Артур Менчик был спокойным крупным мужчиной, страдающим гипертонической болезнью, которая угрожала поставить крест на его дальнейшей карьере военного. Ему неоднократно советовали сбросить вес, но он никак не мог взяться за свое здоровье. Поэтому он уже подумывал о том, чтобы бросить службу и сделать карьеру ученого в частном бизнесе, где начальству плевать на вес или показатели артериального давления своих работников.

Менчик попал в Ванденберг из авиабазы Райт-Паттерсон в Огайо, где он курировал экспериментальную программу по методам посадки космических кораблей. Его работа заключалась в разработке капсулы, которая могла бы с одинаковым успехом безопасно приземляться как на суше, так и на воде. Менчик разработал три многообещающих варианта, благодаря чему его повысили по службе и перевели в Ванденберг.

Но здесь его поставили на административную должность, которую он сразу же возненавидел. Менчик скучал в окружении людей; управление персоналом и капризы подчиненных его совсем не привлекали. Он частенько мечтал вновь поработать в аэродинамической трубе Райта – Паттерсона.

Особенно по ночам, когда его поднимали из постели из-за всякой ерунды.

Сейчас его переполняло раздражение из-за стресса. А на стресс он реагировал единственным доступным ему образом – становился медлительным: двигался и думал медленно, принимал и взвешивал решения осторожно и не спеша. В этом таился секрет его успеха. Пока люди вокруг него от волнения места себе не находили, Менчик, казалось, все больше терял интерес ко всему, пока окружающим не начинало казаться, что он вот-вот заснет. Но это была не более чем уловка, позволяющая ему сохранять ясность ума.

Он вздохнул и затаился, когда запись пошла по второму кругу.

– Насколько я понял, связь не прерывалась?

Комро покачал головой.

– Мы проверили все системы и все еще отслеживаем частоту.

Он включил передатчик, и комнату заполнили шипящие статические помехи.

– Вы же в курсе механизма работы звукового экрана?

– В общих чертах, – ответил майор, подавляя зевок. Собственно говоря, именно Менчик разработал эту систему три года назад. Говоря простым языком, это автоматизированный способ найти иголку в стоге сена – машинная программа изучает искаженный случайный звук и выявляет определенные отклонения. Например, благодаря этой программе можно выделить голос конкретного человека из шума разговоров на коктейльной вечеринке в посольстве.

А полученные данные использовать в самых различных целях.

– После завершения передачи мы принимали одни статические помехи, которые вы сейчас слышите. Мы пропустили их через программу, чтобы посмотреть, выявит ли машина какую-нибудь особенность. Также мы пропустили данные через осциллограф.

Аппарат стоял в дальнем углу. На зеленом экране подрагивала зазубренная белая линия – суммарный звук статики.

– Затем, – продолжил Комро, – мы включили ЭВМ. Смотрите.

Он нажал кнопку на панели, и строка осциллографа резко изменилась: она приняла спокойный, регулярный характер с четким ритмом.

– Понятно, – сказал Менчик. Он уже догадался, к чему ведет Комро. Его мысли к этому времени уже блуждали в другом месте, размышляя над возможными последствиями.

– Вот аудиозапись, – Комро нажал другую кнопку, и комнату заполнила аудиоверсия сигнала: равномерный механический скрежет с повторяющимся металлическим щелчком.

Менчик кивнул.

– Двигатель. Это он постукивает.

– Да, сэр. Мы считаем, что передатчик в фургоне все еще работает, как и двигатель. Мы очистили статические помехи и сейчас слышим работу двигателя.

– Хорошо, – выдохнул Менчик.

Его трубка погасла. Он пожевал ее еще пару мгновений, затем снова зажег, вынул из рта и сплюнул немного табака с языка.

– Нам нужны доказательства, – сказал он почти самому себе. Он прокручивал в голове сведения, разведанные, возможные выводы и непредвиденные обстоятельства...

– Доказательства чего? – спросил Комро.

Менчик оставил его вопрос без ответа.

– На базе есть «Скавенджер»?

– Точно не уверен, сэр. Но в случае необходимости можем запросить из базы Эдвардс.

– Уточните, – Менчик встал. Он принял решение и почувствовал, как на него вновь нахлынула усталость. Ему предстояло провести всю ночь за телефонными разговорами, беседами с раздраженными операторами, проклинать плохую связь и ругаться с озадаченными голосами на другом конце провода.

– Нужно пролететь над городом, – сказал он. – Полное сканирование. Доставить все канистры напрямую. Оповестить лаборатории.

Он также приказал Комро вызвать техников, особенно Джаггерса. Менчик недолюбливал неженку Джаггерса, но понимал, что тот хороший специалист – а этой ночью ему позарез нужны были хорошие специалисты.

* * *

В 23:07 Сэмюел «Стрелок» Уилсон летел над пустыней Мохаве со скоростью более одной тысячи километров в час. Прямо по курсу виднелись два реактивных самолета, сопла их форсажных камер грозно полыхали в ночном небе. Самолеты эти были тяжелыми и пузатыми на вид: под крыльями и брюхом прятались фосфорные бомбы.

Истребитель Уилсона, напротив, выглядел по-другому: гладкий, продолговатый и черный. Он назывался «Скавенджер», и в мире таких насчитывалось всего семь штук.

«Скавенджер» был боевой версией истребителя X-18. Этот реактивный разведывательный корабль среднего радиуса действия был спроектирован для дневной и ночной разведки и оснащен двумя 16-миллиметровыми камерами, установленными по бокам: одна для видимой части спектра, а вторая – для низкочастотного излучения. Кроме того, он был оборудован инфракрасной радиоуправляемой камерой, а также напичкан стандартной электронной техникой и средством для радиолокации. Все пленки и пластины автоматически обрабатывались во время полета и обычно были готовы к изучению сразу по возвращении на базу.

Из-за вышеописанных технологий существование такого невероятного истребителя держалось под строжайшим секретом. Он мог создавать карту города в ночное время, отслеживать движение определенных автомобилей с высоты в две с половиной тысячи километров, обнаружить подводную лодку на глубине до полукилометра или мины в гавани по деформациям движения волн и получать точные снимки заводов по остаточному теплу здания даже спустя четыре часа после его закрытия.

Иными словами, «Скавенджер» по всем параметрам идеально подходил для полета глубокой ночью над Пидмонтом.

Уилсон тщательно проверил оборудование и элементы управления, коснулся всех кнопок и рычагов, наблюдая за мигающими зелеными огоньками, которые указывали, что все системы в порядке.

В наушниках раздался громкий треск. Пилот ведущего самолета с легкой ленцой произнес:

– Стрелок, приближаемся к городу. Видишь?

Уилсон наклонился вперед в тесной кабине. Он летел низко, всего в полтора километрах над землей, и сначала не видел ничего, кроме смазанных пятен из песка, снега и юкки, а затем в лунном свете впереди показались здания.

– Так точно. Вижу.

– Хорошо, Стрелок. Освободи пространство.

Он отступил, увеличив расстояние между собой и двумя другими самолетами почти до километра. Они образовали боевую формацию для визуализации цели по фосфорной вспышке. На самом деле в этом не было необходимости; «Скавенджер» мог обойтись и без освещения, но начальство из Ванденберга настаивало на сборе всевозможной информации о поселении.

Ведущие разлетелись в противоположные стороны и взяли курс, параллельный главной улице города.

– Стрелок? Готовность номер один.

Уилсон осторожно коснулся четырьмя пальцами кнопок камеры. Как у музыканта на пианино.

– Готов.

– Приступаем.

Самолеты спикировали вниз, плавно приближаясь к городу, и, казалось, пролетели в считанных сантиметрах над землей, сбросив бомбы. При ударе о землю вверх вырвалась раскаленная добела сфера, залив город мистическим ярким светом, который отражался от металлического брюха самолетов.

Ведущие, закончив маневр, уже набрали высоту, но Стрелок за ними не следил. Все его внимание, разум и тело сосредоточились на городе.

– Мы закончили, Стрелок.

Уилсон не ответил. Он накренил судно, выпустил закрылки и почувствовал дрожь, когда самолет камнем полетел к земле, вызвав у пилота легкий приступ тошноты. Территория вокруг города осветилась на сотни метров во всех направлениях. Он нажал на кнопки камеры и почувствовал их вибрирующее жужжание.

Падение длилось одно очень долгое мгновение, а затем Уилсон толкнул штурвал от себя, ощутив, как самолет, казалось, цеплялся за воздух, хватался за него и наконец поднялся ввысь. Мельком он заметил главную улицу и тела. Распростертые кругом тела лежали на улице, поперек машин...

– Боже мой, – вырвалось у него.

А потом он взмыл ввысь и продолжил набирать высоту, разворачивая самолет по медленной дуге, готовясь ко второму заходу и стараясь не думать о том, что увидел. Одним из основных правил воздушной разведки было не обращать внимания на происходящее; анализ и оценка не входили в его обязанности, эту задачу возлагали на других специалистов. А пилоты, которые забывали об этом правиле и слишком интересовались тем, что фотографировали, обычно попадали в беду. Например, разбивались.

Когда самолет зашел на второй круг, Уилсон старался не смотреть вниз. И все же он не удержался и вновь увидел тела. Фосфорная вспышка уже потускнела, все кругом окрасилось в темные, зловещие и приглушенные цвета. Но тела никуда не исчезли: они ему точно не привиделись.

– Боже мой, – повторил он. – Господи ты боже мой.

* * *

Красная табличка на двери гласила: «Допуск только по спецпропускам». Внутри располагался довольно удобный зал для совещаний: на стене висел экран, напротив него с десятков стальных труб и кожаных кресел, а на противоположной стене – проектор.

Когда Менчик и Комро вошли в помещение, Джаггерс уже ждал их внутри. Это был невысокий мужчина с упругой походкой и выразительным лицом. Несмотря на то что на базе Джаггерса недолюбливали, все признавали его мастерство в области разведывательной интерпретации. Он обладал острым умом и приходил в восторг при виде малозаметных и загадочных деталей, благодаря чему идеально подходил для своей работы.

Джаггерс потер руки, когда Менчик и Комро присели.

– Что же, – сказал он. – Приступим? У меня для вас есть кое-что интересное.

Он кивнул киномеханику:

– Первый слайд.

В комнате потемнело. Раздался механический щелчок, и на экране появилось изображение небольшого города в пустыне, снятое с высоты птичьего полета.

– Снимок необычный. Снято два месяца назад с нашего разведспутника «Янус-двенадцать», расположенного на высоте трехсот тысяч километров. Качество довольно хорошее. Номера машин пока не разглядеть, но мы над этим работаем. Возможно, сможем различить уже к следующему году.

Менчик поерзал на стуле, но промолчал.

– Перед нами город Пидмонт, штат Аризона, – продолжил Джаггерс. – Население сорок восемь человек, и смотреть тут не на что, даже с такой высоты. Вот универсальный магазин, здесь заправочная станция – обратите внимание, как четко видно надпись «Галф», – вот и почтовое отделение, а там мотель. Все остальное – частные дома. Тут церковь. Следующий слайд.

Еще один щелчок. На новой картинке темно-красного цвета город был изображен в виде белых пятен. Очертания зданий были очень темными.

– Начнем с инфракрасных пластин «Скавенджера». Как вам известно, они создают изображение на основе тепла, а не света. Все теплые предметы на снимке выглядят белыми, а холодные – черными. Здесь очень хорошо видно, что здания темные – они куда холоднее земли. С наступлением ночи здания быстрее отдают тепло.

– А белые пятна? – спросил Комро. На снимке можно было насчитать около сорока или пятидесяти белых пятен.

– Тела. Некоторые в своих домах, а другие – на улице. Мы насчитали около пятидесяти. Здесь, например, можно даже различить голову и четыре конечности. Это тело лежит плашмя на улице.

Джаггерс закурил и указал на белый прямоугольник:

– Насколько мы можем судить, это автомобиль. Обратите внимание на яркое белое пятно с одного конца – значит, двигатель все еще работает и выделяет тепло.

– Фургон? – предположил Комро. Менчик кивнул.

– Возникает вопрос, – сказал Джаггерс. – Все ли эти люди мертвы? Точно сказать нельзя. Тела имеют разную температуру. Сорок семь довольно холодные, скорее всего они умерли уже некоторое время назад. Трое теплее, двое из них в этой машине.

– Наши ребята, – заметил Комро. – А кто третий?

– Настоящая загадка. Здесь можно увидеть, что он либо стоит, либо лежит, свернувшись в клубочек. Обратите внимание, насколько он белый, следовательно, еще теплый – около тридцати пяти градусов по Цельсию. Чуть ниже обычной температуры человеческого тела – возможно, за счет периферического сужения сосудов на прохладном ночном воздухе. Температура снижается. Следующий слайд.

На экране появилась новая картинка.

Менчик нахмурился.

– Переместился.

– Совершенно верно. Этот кадр снят на втором заходе. Пятно передвинулось плюс-минус на восемнадцать метров. Следующий.

– Опять!

– Да. Еще пять-десять метров.

– Значит, там есть один выживший?

– Вполне логичное заключение, – ответил Джаггерс.

Менчик прокашлялся.

– Ты так считаешь?

– Так точно, сэр. Мы все пришли к такому выводу.

– Там, внизу, среди трупов ходит человек?

Джаггерс пожал плечами и постучал по экрану:

– Нельзя полностью и точно сказать, основываясь только на этих...

В этот момент в зал зашел рядовой с тремя круглыми металлическими кассетами под мышкой.

– Сэр, мы получили снимки прямой визуализации с формации.

– Показывай, – приказал Менчик.

Кассеты вставили в проектор. Мгновение спустя в зал заглянул лейтенант Уилсон. Джаггерс отметил:

– Эти снимки я еще не просматривал. Возможно, пилот сопровождает просмотр своим докладом?

Менчик кивнул и смерил взглядом Уилсона, который встал у экрана, нервно вытирая вспотевшие руки о штаны. Затем он повернулся к аудитории, монотонно приступив к рассказу:

– Сэр, запись длилась с восьми до тринадцати минут двенадцатого ночи. Я сделал два захода: начал с востока и затем вернулся с запада со средней скоростью триста сорок четыре тысячи километров в час на средней высоте по скорректированному высотомеру двести сорок три метра...

– Подожди-ка, сынок, – перебил его Менчик, приподняв руку. – Ты не на допросе с пристрашием. Выкладывай как есть.

Уилсон кивнул и проглотил образовавшийся ком. Свет в зале погас, и проектор ожил. На экране появилось изображение города, залитого ярким белым светом, исходящим от самолета.

– Первый заход, – сказал Уилсон. – С востока на запад, время – восемь минут двенадцатого. Это снимок с левой камеры, которая щелкает со скоростью девяносто шесть кадров в секунду. Как видите, я очень быстро снижаюсь. Прямо по курсу главная улица...

Он вдруг замолк. На снимке можно было различить тела. Фургон так и стоял на улице, антенна на крыше все еще медленно вращалась. По мере приближения самолета к фургону можно было разглядеть, что водитель лежит на руле.

– Невероятная четкость, – восхитился Джаггерс. – До чего же отличное разрешение у этой мелкозернистой пленки...

– Вообще-то Уилсон отчитывается о ходе полета, – прервал его Менчик.

– Так точно, сэр, – Уилсон прочистил горло и уставился в экран. – В этот момент я находился прямо над целью, наблюдал за погибшими. Я насчитал около семидесяти пяти человек, сэр.

Он говорил тихо и напряженно. Запись на секунду прервалась, появились какие-то цифры, затем вновь вернулось изображение.

– Приступаю ко второму заходу. Вспышка уже гаснет, но можно заметить...

– Остановите, – приказал Менчик.

Киномеханик остановил воспроизведение. На застывшем кадре виднелась длинная прямая главная улица и множество тел.

– Назад.

Пленку запустили в обратном направлении, и казалось, что истребитель улетает с улицы.

– Вот! Останови.

Изображение застыло. Менчик подошел к экрану, всматриваясь в угол.

– Смотрите, – и указал на мужчину в белом домашнем халате до колен, который смотрел прямо на самолет. Это был старик с иссохшим лицом и широко открытыми глазами.

– Что скажешь? – спросил Менчик Джаггерса. Тот подошел ближе и нахмурился.

– Давай чуть вперед.

Картинка вновь задвигалась. Все собравшиеся ясно увидели, как старик с удивленным взглядом повернул голову вслед за улетающим самолетом.

– А теперь назад, – попросил Джаггерс. Они просмотрели снимки еще раз, и Джаггерс расплылся в улыбке.

– Кажется, этот человек жив, сэр.

– Да, согласен, – четко произнес Менчик и вышел из зала, объявив на базе чрезвычайное положение: всем служащим базы до дальнейших указаний запрещено покидать казармы; также под запретом внешние звонки и общение, а информация, которую узнали все находившиеся в этом зале, под строгим секретом.

Он направился в Центр управления полетами. Комро последовал за ним.

– Позвоните генералу Уиллеру, – приказал Менчик. – Скажите, что я объявил чрезвычайное положение без оповещения вышестоящего начальства. Попросите его немедленно явиться.

Формально никто, кроме командира базы, не имел права объявлять чрезвычайное положение.

Комро спросил:

– А вы не хотите сообщить ему сами?

– У меня есть другие дела, – отрезал Менчик.

4. Тревога

Когда Артур Менчик вошел в небольшую звукоизолированную будку и сел перед телефоном, он знал, что собирается сделать, но не совсем понимал зачем.

После назначения в программу «Скуп» еще год назад он прошел инструктаж по проекту «Лесной пожар». Менчик вспомнил, что инструктаж проводил маленький человечек с сухим и строгим голосом, работавший профессором в каком-то университете. Менчик уже позабыл подробности, за исключением того, что где-то была некая лаборатория, а также пять ученых, которые должны были в этой лаборатории работать. Их основной задачей было исследование внеземных форм жизни, которые могли попасть на Землю на американских космических кораблях.

Менчик не знал имен и фамилий этих ученых, он знал лишь, что Министерство обороны выделило этим людям магистральную линию связи для их вызова. Чтобы подключиться к линии, требовалось набрать двоичное число на телефоне. Он залез в карман, вытащил бумажник и некоторое время искал карточку, которую дал ему профессор:

В СЛУЧАЕ ПОЖАРА

Уведомить отдел № 87.

Только в крайнем случае.

Он смотрел на карточку и задумался: что произойдет, когда он наберет двоичное число 87? Он попытался представить последовательность событий: с кем он будет разговаривать? Или ему перезвонят? Будут ли его расспрашивать или сразу направят к руководству?

Он протер глаза, вновь взглянул на карточку и наконец пожал плечами. Вот сейчас он и узнает.

Менчик оторвал лист бумаги от лежавшего рядом с телефоном блокнота и написал:

$$2^0 \ 2^1 \ 2^2 \ 2^3 \ 2^4 \ 2^5 \ 2^6 \ 2^7$$

Основа двоичной системы: число два, возведенное в степень. Два в нулевой степени – единица; два в первой – два; два в квадрате будет четыре и так далее. Менчик поспешно добавил еще одну строчку:

$$\begin{array}{cccccccc} 2^0 & 2^1 & 2^2 & 2^3 & 2^4 & 2^5 & 2^6 & 2^7 \\ 1 & 2 & 4 & 8 & 16 & 32 & 64 & 128 \end{array}$$

Затем начал складывать числа, чтобы получить в общей сложности цифру 87, и выделил эти числа:

$$\begin{array}{cccccccc} 2^0 & 2^1 & 2^2 & 2^3 & 2^4 & 2^5 & 2^6 & 2^7 \\ (1) & (2) & 4 & 8 & (16) & 32 & (64) & 128 = 87 \end{array}$$

После этого вывел двоичный код. Двоичные числа разработали для работы с компьютерами, которые понимают только строгую последовательность команд: «включено-выключено», «да-нет». Один математик как-то пошутил, что двоичные числа придумали люди, у которых есть всего два пальца. По сути, двоичные числа переводят числа обычные, которые требуют десяти цифр и десятичных знаков, в систему, которая основана только на двух цифрах: единице и нуле.

$$\begin{array}{cccccccc} 2^0 & 2^1 & 2^2 & 2^3 & 2^4 & 2^5 & 2^6 & 2^7 \\ (1) & (2) & (4) & 8 & (16) & 32 & (64) & 128 \\ 1 & 1 & 1 & 0 & 1 & 0 & 1 & 0 \end{array}$$

Менчик взглянул на только что написанное число и добавил тире: 1–110–1010. Вполне обычный телефонный номер. Менчик поднял трубку и набрал номер. Часы пробили ровно полночь.

День 2 Пидмонт

5. Первые часы

Оборудование ожидало своего часа. Два года кабели, система кодирования и телеграфный аппарат бездействовали, но звонок Менчика привел механизм в действие.

Когда он набрал номер, то услышал серию механических щелчков, сменившихся слабым шумом, что означало поступление вызова на одну из зашифрованных междугородних линий. Спустя мгновение шум прекратился, и послышался чей-то голос:

– Это запись. Назовите свое имя, оставьте сообщение и положите трубку.

– Говорит майор Артур Менчик, база ВВС Ванденберг, Центр управления полетами проекта «Скуп». Мне кажется, появилась необходимость создать группу «Лесной пожар». У меня есть подтвержденные данные визуального наблюдения. Во избежание утечки информации база закрыта на карантин.

Майор не мог не подумать, что все это нереально. Судя по всему, даже звукозаписывающее устройство ему не поверило. В ожидании ответа он не выпускал трубку из рук.

Однако ничего не дождался: после щелчка соединение прервалось. Конец связи. Ему оставалось только со вздохом повесить трубку. Звонок оставил после себя весьма неприятное чувство.

Менчик ожидал, что через несколько минут перезвонят из Вашингтона, да и в последующие несколько часов ему будут досаждать звонками, поэтому остался у телефона. Однако никто так и не перезвонил. Менчик даже не подозревал, что запущенный им процесс был полностью автоматизирован. Запуск тревоги «Лесной пожар» невозможно будет отменить в течение минимум двенадцати часов.

Спустя десять минут после звонка Менчика по зашифрованному кабелю максимальной безопасности пришло сообщение. А еще через пять минут пришло и второе сообщение, в котором был перечислен список членов команды «Лесной пожар»:

*****КОМАНДА*****

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

КОДИРОВКА

ХБО 9/9/234/435/6778/90

КООРДИНАТЫ ДЕЛЬТА 8997

СООБЩЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНА ТРЕВОГА «ЛЕСНОЙ ПОЖАР».

ПОВТОРЯЮ, ОБЪЯВЛЕНА ТРЕВОГА «ЛЕСНОЙ ПОЖАР».

СКООРДИНИРОВАТЬ ДЕЙСТВИЯ НАСА / ВВМК / СНБ.

ПЕРИОД ВЫПОЛНЕНИЯ ГГ-59-07.

ДАЛЬНЕЙШИЕ УКАЗАНИЯ

ПРЕССУ НЕ ОПОВЕЩАТЬ.

ВОЗМОЖНО ПРИВЕДЕНИЕ В ПОЛНУЮ БОЕГОТОВНОСТЬ

СОГЛАСНО ДИРЕКТИВЕ 7-Г2 ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО ИЗВЕЩЕНИЯ

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

ВЫКЛЮЧЕНИЕ

Сообщение было отправлено автоматически. Все приказы, в том числе запрет об оповещении прессы и возможность приведения в действие директивы 7–12, были запрограммированы заранее и претворялись в жизнь звонком Менчика.

*****КОМАНДА*****

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

КОДИРОВКА

ХБО 9/9/234/435/6778/900

СООБЩЕНИЕ

СТАТУС НИЖЕСЛЕДУЮЩИХ АМЕРИКАНСКИХ ГРАЖДАН –
«ЗЕД КАППА». ПРЕДЫДУЩИЙ
ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ ДОПУСКА ПОДТВЕРЖДЕН. ИМЕНА:

СТОУН, ДЖЕРЕМИ..81

ЛИВИТТ, ПИТЕР..04

БЕРТОН, ЧАРЛЬЗ.Г51

КРИСТИАН СЕНКРИК ВЫЧЕРКНУТЬ

ИСПРАВИТЬ

КИРК, КРИСТИАН.142

ХОЛЛ, МАРК.Г77

ПРЕДОСТАВИТЬ ДАННЫМ ЛИЦАМ СТАТУС «ЗЕД КАППА»
ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО ИЗВЕЩЕНИЯ

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

Теоретически эта телеграмма тоже была обычным делом; всего лишь требовалось подтвердить имена пяти членов команды, которым был присвоен особый статус «Зед каппа». К сожалению, машина напечатала одно из имен с ошибкой и не перепроверила сообщение. (В обычной ситуации, когда в сообщение закрадывается ошибка, все сообщение переписывается заново или перезаписывается компьютером с последующим подтверждением исправленного варианта.)

Именно это сообщение вызвало сомнения в своей правильности. В Вашингтоне и в других учреждениях потребовали консультацию компьютерного эксперта для подтверждения точности сообщения с помощью так называемого обратного прослеживания. Вашингтонский эксперт выразил серьезную озабоченность по поводу достоверности данного сообщения, поскольку компьютер совершил несколько ошибок, например использовал букву «Г» вместо единицы.

В результате данной неразберихи статус «Зед каппа» получили только первые два лица в списке, а остальные пока дожидались подтверждения.

* * *

Эллисон Стоун очень устала. Они вместе с супругом, председателем бактериологического отдела Стэнфорда, принимали в своем доме на холмах с видом на кампусы Стэнфорда гостей в количестве тридцати человек. Все задержались до позднего вечера и не собирались расходиться. Миссис Стоун едва держала себя в руках: она с детства крутилась в светском обществе Вашингтона, где вторая чашка кофе, демонстративно предложенная без коньяка, была сигналом разойтись по домам. К сожалению, подумала она, ученые подобных намеков не понимают. Она подала вторую чашку кофе уже несколько часов назад, но никто даже не думал расходиться.

Незадолго до первого часа ночи вдруг раздался звонок в дверь. На пороге она с удивлением увидела двух военных. Они выглядели неловко и как будто слегка нервничали, и Эллисон предположила, что они заблудились, что нередко случалось в этих краях в ночное время.

– Чем могу помочь?

– Прошу прощения за беспокойство, мэм, – вежливо ответил один из них. – Это дом доктора Джереми Стоуна?

– Верно, – слегка нахмурившись, ответила она и бросила взгляд на подъездную дорожку, где припарковался синий армейский седан. У машины стоял еще один мужчина; казалось, он держал что-то в руке.

– У него что, пистолет?

– Мэм, нам нужно поговорить с доктором Стоуном, – перебил ее первый военный.

Абсурдность ситуации напугала ее. Она взглянула на лужайку и заметила еще одного мужчину, который подошел к дому и заглянул в окно. В мягком свете, проливающимся из окна, она заметила винтовку в его руках.

– В чем дело?

– Мэм, мы не хотим мешать вашей вечеринке. Пожалуйста, позовите доктора Стоуна.

– Не уверена, что...

– Иначе нам придется зайти внутрь, – продолжил мужчина.

Она поколебалась мгновение, затем решилась:

– Ждите тут.

Она собиралась закрыть дверь, однако один из военных тут же пробрался в прихожую. Он встал у двери, сжимая фуражку в руках.

– Я подожду здесь, мэм, – и вежливо улыбнулся.

Эллисон вернулась к гостям, пытаясь не выдать своего волнения. Гости разговаривали и смеялись, в комнате стоял гвалт, а в воздухе клубился дым от сигар. Она нашла Джереми в углу зала, где он спорил с кем-то по поводу недавних беспорядков. Она слегка коснулась его плеча, и он сразу же подошел к ней.

– Очень странно, но тебя ищут какие-то военные. Один стоит в коридоре, второй ждет у двери снаружи, и еще двое с оружием в руках на лужайке. Они говорят, что пришли за тобой. Стоун, казалось, удивился, но затем кивнул.

– Я обо всем позабочусь.

Его спокойствие ее задело; он словно ожидал чего-то подобного.

– Мог бы и предупредить, раз ты знал...

– Но я не знал, – ответил он. – Объясню позже.

Он вышел в коридор, где все еще стоял офицер. Эллисон последовала за мужем.

– Я – доктор Стоун.

– Капитан Мортон, – отрапортовал мужчина. Руку для рукопожатия он не предложил. – У нас пожар, сэр.

– Понятно, – ответил Стоун. Он взглянул на свой смокинг. – Хоть переодеться позволите?

– Боюсь, нет, сэр.

К ее удивлению, Джереми на это только кивнул:

– Ладно. Мне нужно идти, – последнюю фразу он адресовал уже супруге. Его лицо не выражало никаких эмоций, что очень напугало Эллисон. Она была сбита с толку.

– Надолго?

– Не уверен. Неделя, может две. Или дольше.

Она пыталась не повышать голос, но ничего не могла с собой поделать.

– Да в чем же дело? Тебя арестовали?

– Нет, – Джереми устало улыбнулся. – Совсем нет. Извинишься перед гостями от моего имени, ладно?

– Но у них оружие...

– Миссис Стоун, – вмешался солдат. – Наша задача – защитить вашего мужа. Мы проследим, чтобы с ним ничего не случилось.

– Вот-вот, – подхватил ее муж. – Кажется, я внезапно стал очень важной персоной.

И вновь подарил ей эту странную усталую улыбку.

А затем, прежде чем она поняла, что происходит, вышел из дома. С одной стороны следовал капитан Мортон, а с другой – второй солдат. Вооруженный винтовкой мужчина пошел за ними следом, а последний, у машины, отсалютовал и открыл им дверь.

Внутри загорелся свет, дверь захлопнулась, и машина скрылась в ночи. Эллисон все еще стояла у двери, когда один из гостей подошел к ней сзади и спросил:

– Эллисон, с вами все в порядке?

Она повернулась и выдавила из себя улыбку:

– Да, ничего страшного. Джереми пришлось уехать – его вызвали в лабораторию. Еще один из вечерних экспериментов пошел не так.

Гость кивнул:

– Очень жаль. Восхитительная вечеринка.

* * *

Тем временем Стоун откинулся на спинку сиденья и смерил обоих мужчин взглядом. Их лица ничего не выражали. Он спросил:

– Что там у вас?

– Извините, сэр?

– Черт возьми, что там у вас? Должны же были они что-то передать.

– Ох, так точно, сэр.

И с этими словами ему вручили тонкую папку. На коричневой обложке трафаретом было выведено: ПРОЕКТ «СКУП».

– И это все? – уточнил Стоун.

– Так точно, сэр.

Стоун вздохнул. Он никогда не слышал о проекте «Скуп», и ему предстояло внимательно изучить все данные. Но в машине было слишком темно для чтения, и он решил заняться этим позже, в самолете. Стоуна неожиданно захлестнули воспоминания пятилетней давности о весьма странном симпозиуме на Лонг-Айленде и не менее странном низеньком докладчике из Англии, который в некотором роде был ответственен за все происходящее.

* * *

Летом 1962 года английский биофизик Дж. Дж. Меррик выступил с докладом на тему «Частота биологического контакта в зависимости от вероятности видообразования» на Десятом биологическом симпозиуме в Колд-Спринг-Харбор, Лонг-Айленд. Меррика преследовала репутация строптивного и неортодоксального ученого, более того, интерес к его персоне только возрос благодаря недавнему разводу и присутствию на данном симпозиуме эффектной блондинки-секретарши. Выступление Меррика сопровождалось последующим обсуждением его идей, выдержки из которых я представляю чуть ниже.

«Я сделал вывод, что первый контакт с внеземной жизнью будет определен вероятностями видообразования. Неоспорим тот факт, что высокоорганизованных видов на нашей планете не так много, в то время как простейшие организмы изобильно процветают. На Земле проживают миллионы видов бактерий и тысячи видов насекомых. Однако приматов всего несколько видов, а человекообразных обезьян и того четыре. Людей же всего один вид.

Этой частоте видообразования отвечает соответствующая частота в числах. Простейшие существа встречаются гораздо чаще, чем сложные организмы. На Земле проживает три миллиарда человек, что звучит довольно внушительно до тех пор, пока мы не вспомним, что в обычной большой колбе может содержаться в десятки, а то и сотни раз больше бактерий чумы.

Все имеющиеся данные о происхождении жизни указывают, что прогресс шел по эволюционному пути от простейших форм до сложных. Так было на Земле, и, вероятно, этот же подход можно применить и ко всей Вселенной. Шепли, Мерроу и другие ученые подсчитали возможное количество жизнеспособных планет в ближайшей Вселенной. Мои собственные расчеты, указанные в статье, учитывают относительную численность различных организмов во Вселенной.

Моей целью было определение вероятности контакта между человечеством и иными формами жизни. Вот мои расчеты:

ФОРМА	ВЕРОЯТНОСТЬ
Одноклеточные организмы или менее (чистая генетическая информация)	0,7840
Простые многоклеточные организмы	0,1940
Сложные многоклеточные организмы без центральной нервной системы	0,0140

Многоклеточные организмы с системами органов, в том числе нервной системой	0,0078
Многоклеточные организмы со сложной нервной системой, способные обрабатывать данные (человеческие возможности)	0,0002
Итого:	1,0000

Вышеизложенные данные наводят на мысль, что первый контакт человечества с внеземной жизнью произойдет с организмами, похожими на земные бактерии или вирусы, если не с идентичными им. Возможные последствия подобного контакта вызывают тревогу, учитывая, что три процента всех земных бактерий так или иначе оказывают пагубное воздействие на человеческий организм».

* * *

Позже сам Меррик выдвинул гипотезу, что первый контакт произойдет с чумой, занесенной с Луны первыми астронавтами. Эту идею в научном обществе подняли на смех.

Одним из немногих, кто отнесся к его предостережению серьезно, был тридцатишестилетний доктор Джереми Стоун, который уже в таком молодом возрасте был, пожалуй, самым известным участником вышеупомянутого симпозиума. Он заслужил должность профессора в Беркли в возрасте тридцати лет и только что получил Нобелевскую премию.

Список достижений Стоуна (даже без учета целой серии различных экспериментов, благодаря которым он получил уже упомянутую выше Нобелевскую премию) поражает воображение. В 1955 году он первым применил метод мультипликативного подсчета колоний бактерий, в 1957 году разработал метод получения чистой жидкости, а в 1960 году представил радикально новую теорию активности *E. coli* и *S. tabuli* и явил миру доказательства физической природы индукторов и репрессоров. Его статья 1958 года о линейных вирусных трансформациях открыла миру новые возможности в науке. На основе его трудов работники Института Пастера в Париже разработали собственную систему изучения вирусов и впоследствии также удостоились Нобелевской премии.

Стоун же выиграл премию в 1961 году за работу по мутантной реверсии бактерий, которой он занимался в свободное время еще во время учебы на юридическом факультете Мичиганского университета. На тот момент ему было всего двадцать шесть лет.

Больше всего поражает то, что Стоун проделал работу нобелевского уровня, будучи студентом юридического факультета, что демонстрирует глубину и широкий диапазон его интересов. Один его друг однажды сказал: «Джереми знает все и увлечен всем остальным». Его сравнивали с Эйнштейном и Бором и называли ученым, обладающим совестью, пониманием значимости событий и умением зреть в корень проблемы.

Стоун был худощавым и лысеющим мужчиной с потрясающей памятью: он мог с одинаковой легкостью выдавать как научные факты, так и грубые шутки. Но самой выдающейся его

чертой была нетерпеливость, которую он транслировал всем без исключения окружающим, одним своим видом показывая, что они зря тратят его драгоценное время. У него была дурная привычка перебивать своих собеседников и завершать неприятные ему разговоры, от которой он с переменным успехом пытался избавиться. Властная манера разговора в сочетании с тем фактом, что он получил Нобелевскую премию в столь молодом возрасте, вкупе с довольно скандальной личной жизнью (он был женат четыре раза, в том числе дважды увел жен своих коллег) никак не придавала ему популярности.

Однако именно Стоун в начале шестидесятых сумел пробиться в правительственные круги как один из представителей нового научного сообщества. Сам он относился к своей роли со снисходительной усмешкой: «Вакуум жаждет, чтобы его заполнили горячим газом», – заявил он однажды, и все же на самом деле его влияние было огромным.

К началу 1960-х годов Америка наконец-то пришла к выводу, что обладает самым мощным научным комплексом в мировой истории. Восемьдесят процентов всех научных открытий за предшествующие три десятилетия были совершены американцами. В Соединенных Штатах сосредоточилось около 75 процентов всех мировых компьютеров и 90 процентов лазерных установок; работало в три с половиной раза больше ученых и во столько же раз больше денег потрачено на научные исследования, чем в Советском Союзе. В США было в четыре раза больше ученых, чем в Европейском экономическом сообществе, и средств они потратили в семь раз больше. Большая часть этих средств поступала прямо или косвенно от Конгресса, который остро нуждался в советах мужчин, разбирающихся в науке.

В пятидесятых все значимые советники Администрации США были физиками: Теллер и Оппенгеймер, Брукман и Вайднер. Но всего десять лет спустя на фоне активных вливаний денежных средств в биологическую отрасль и, соответственно, большего к ней внимания на сцену вышла новая группа, возглавляемая Дебейки в Хьюстоне, Фармером в Бостоне, Хеггерманом в Нью-Йорке и Стоуном в Калифорнии.

Известность Стоуна объяснялась несколькими причинами: престижностью лауреата Нобелевской премии, политическими связями, в том числе его последней супруги – дочери сенатора Томаса Уэйна из Индианы, а также юридическим образованием. Все это в совокупности гарантировало неоднократное появление Стоуна перед огромным количеством подкомитетов сената и давало ему значимые полномочия доверенного советника.

Именно эти свои силы он направил на решение научно-исследовательских и строительных вопросов при создании «Лесного пожара».

* * *

Стоуна крайне заинтересовали идеи Меррика, которые во многом совпадали с его собственными мыслями. Он выпустил небольшую статью под названием «Стерилизация космических аппаратов» в журнале Science, которую затем перепечатали в британском Nature. В этой статье он кратко объяснил, почему бактериальное заражение – палка о двух концах и для чего человечество должно уметь защищаться и от того, и от другого.

До статьи Стоуна ученые в основном опасались поставить под угрозу другие экосистемы: человеческие спутники и зонды могли случайно занести туда земные организмы. Эту проблему подняли еще в самом начале космической программы, и к 1959 году НАСА создала строжайшие правила предварительной стерилизации всех космических аппаратов земного происхождения.

Их целью было предотвращение заражения других миров. Иными словами, если для поиска новой жизни на Марсе или Венере отправить зонд с земными организмами, это нарушит чистоту эксперимента.

Однако Стоун показал иную сторону вопроса: внеземные организмы также могут заразить Землю с помощью тех же самых космических аппаратов. Корабли, сгоревшие при входе в атмосферу, не представляют проблемы, но пилотируемые зонды и спутники, например «Скуп», – иное дело. Риск заражения в таких случаях очень велик.

Его статья вызвала кратковременный всплеск интереса, но, как позже выразился сам Стоун, «ни к чему особенному не привела». Поэтому в 1963 году он стал инициатором неформальных собраний, на которых обсуждались проблемы загрязнения планеты, с последующим перекусом. Собиралась эта группа дважды в месяц в комнате номер 410 на верхнем этаже отделения биохимии Медицинской школы Калифорнийского университета и состояла из пяти ученых: сам Стоун и Джон Блэк из Беркли, Сэмюел Холден и Теренс Лиссет из Стэнфордского медицинского университета, а также Эндрю Вайс с биофизического факультета Стэнфордского меда. Именно эти люди стояли у истоков проекта «Лесной пожар». В 1964 году они подали президенту США петицию, сознательно составленную по образцу письма Эйнштейна Рузвельту в 1940 году, которое тот написал по поводу атомной бомбы.

*Калифорнийский университет
Беркли, Калифорния
Президенту США
Белый дом
1600, Пенсильвания-авеню
Вашингтон.*

Уважаемый господин президент!

Согласно новейшим теоретическим гипотезам, стандартные процедуры стерилизации возвращаемых космических зондов не могут в полной мере гарантировать их возвращение в том же стерильном состоянии в атмосферу Земли, что представляет опасность потенциального внедрения вирулентных организмов в нашу экологическую систему.

Мы полагаем, что никогда не сможем достигнуть максимально необходимой стерилизации зондов. Согласно нашим расчетам, даже если подвергать капсулы процедурам стерилизации в космосе, вероятность заражения все равно составляет десять тысяч к одному, а то и больше. Данные расчеты основаны только на известных нам представителях жизни, а иные формы могут быть полностью устойчивы к нашим методам стерилизации.

Поэтому мы призываем к созданию предприятия, предназначенного для изучения внеземной формы жизни, если таковая случайно попадет на Землю. У данного предприятия будут две основные цели: ограничение распространения внеземной формы жизни, а также ее изучение в лабораторных условиях с целью защиты земных форм жизни от ее возможного воздействия.

Рекомендуем разместить базу данного предприятия в необитаемом районе США глубоко под землей и оборудовать всеми известными методами изоляции, а также ядерным устройством для возможности самоуничтожения на случай возникновения аварийной ситуации. Насколько нам известно, ни одна форма жизни не сможет пережить ядерный взрыв.

*Искренне ваши,
Джеремии Стоун
Джон Блэк*

*Сэмюел Холден
Теренс Лиссет
Эндрю Вайс
10 июня 1964 года*

На вышеизложенное письмо отреагировали крайне быстро. Уже на следующий день Стоуну позвонил один из советников президента, и днем позже ученый вылетел в Вашингтон на встречу с президентом и членами Совета национальной безопасности. Спустя две недели он полетел в Хьюстон, чтобы обсудить дальнейшие планы с представителями НАСА.

Хотя Стоун признавал, что его выступления не обошлись без пары колкостей про «тюрьму для паразитов», большинство ученых, с которыми он беседовал, отнеслись к проекту с должным вниманием. Спустя месяц работ команда Стоуна получила официальный статус комитета по решению проблемы внеземного загрязнения.

Этот комитет был внесен в Список перспективных исследовательских проектов и субсидировался Министерством обороны. В то время СПИП вкладывался в основном в химию и физику – ионные спреи, обратное дублирование, субстраты пи-мезонов – однако интерес к биологическим проблемам все возрастал. Например, одна из групп СПИП занималась изучением электронной стимуляции функции мозга (что являлось эвфемизмом для термина контроля над разумом); другая углубилась в исследования биосинергии – возможной комбинации человека и устройств, имплантированных в организм человека; еще одна оценивала результаты проекта «Озма» – поиска внеземных форм жизни в 1961–1964 годах. Четвертая группа проектировала самовоспроизводящийся механизм, который должен был взять на себя выполнение всех человеческих функций.

Все вышеописанные проекты имели чисто гипотетический характер, но возглавляли их престижные ученые. Внесение в СПИП придавало статус руководителю и гарантировало финансирование для проведения и дальнейшего развития исследований.

Поэтому, когда комитет Стоуна представил свой проект под предварительным названием «Протокол анализа жизни», в котором описывались способы изучения любого живого существа, Министерство обороны тут же выделило ему 22 миллиона долларов на строительство изолированной спецлаборатории. (Эту довольно крупную сумму средств признали вполне оправданной, поскольку результаты проекта планировали применять в других исследованиях. В 1965 году вся область науки, включающей в себя вопросы стерильности и заражения, считалась крайне важной. Например, НАСА работала над строительством крайне засекреченной «Лунной лаборатории» для астронавтов, которые вернулись с Луны и, возможно, привезли с собой опасные для человечества бактерии и вирусы. Всех космонавтов, вернувшихся с Луны, помещали в трехнедельный карантин до окончания процедуры дезинфекции. Кроме того, имели место и другие проблемы, к примеру создание «сверхчистых» промышленных помещений, в которых планировалось свести к минимуму содержание пыли и микробов, и «стерильных камер», которые проектировали в Бетесде. Считалось, что за созданием асептической среды, «островка жизни» и различных систем поддержания стерильности – настоящее будущее, и выделенные Стоуну средства расценили как вполне выгодное капиталовложение.)

Комитет приступил к строительству лаборатории «Лесной пожар» во Флэтроке, штат Невада, по мере поступления финансовых средств. В результате проект был готов к работе уже в 1966 году. Проектированием занимались архитекторы из General Dynamics, обладающие огромным опытом в создании жилых отсеков на атомных подводных лодках, в которых матросам приходилось подолгу жить и работать.

Получившийся результат являл собой пятиэтажное подземное сооружение конической формы. Каждый уровень имел круглую форму с центральным служебным ядром из проводки, водопровода и лифтов и был более стерильным, чем предыдущий. Первый этаж был нестерильным, второй – умеренно стерильным, третий – строго стерильным, и так далее. Свобод-

ное перемещение с одного уровня на другой было запрещено, персонал был обязан пройти все необходимые процедуры стерилизации и карантина при переходе на тот или иной этаж.

Когда строительство лаборатории подошло к концу, встал вопрос о составе команды «Лесной пожар», задачей которой было изучение внеземных форм жизни. Спустя некоторое время выбрали пять ученых, включая самого Стоуна. Эти пятеро должны быть готовы к немедленной мобилизации в случае биологической катастрофы.

Спустя всего два года после приснопамятного письма Стоун с удовлетворением отметил, что «у этой страны есть все шансы в борьбе с неизвестным ранее биологическим агентом». Он заявлял, что доволен реакцией Вашингтона и скоростью, с которой власти реализовали его предложения. Однако в узком кругу близких и друзей он признавался, что его смутила легкость, с которой Вашингтон согласился с его планами.

Стоун не имел ни малейшего понятия об истинных причинах рвения Вашингтона или реальной озабоченности многих правительственных чиновников по поводу данной проблемы, как и не подозревал о существовании программы «Скуп» до той ночи, когда уехал из дома на синем армейском седане.

* * *

– Это самый быстрый транспорт, который мы смогли найти, сэр, – сказал военный.

Стоун шагнул в самолет, поражаясь абсурдности ситуации. Это был абсолютно пустой «Боинг-727».

– Можете устроиться в первом классе, если хотите. Думаю, никто не будет против, – военный улыбнулся ему и вышел из самолета. На его место заступила не стюардесса, а другой вооруженный солдат, который с грозным видом встал у выхода. Тем временем тихонько загудели двигатели самолета.

Стоун взял папку с данными на «Скуп» и откинулся назад. Чтение полностью его захватило, он пролистывал страницы с такой скоростью, что солдат решил, будто пассажир просто скользит взглядом по строчкам. Но Стоун не пропускал ни единого слова.

«Скуп» был детищем генерал-майора Томаса Спаркса, главы армейского медицинского корпуса, который подчинялся подразделению по ведению химической и биологической войны. Спаркс отвечал за исследования в области химического и бактериального оружия в Форт-Детрике, штат Мэриленд, Харли, штат Индиана, и Дагуэй, штат Юта. Стоун встречался с ним пару раз и припомнил, что тот был приятным мужчиной в очках, из-за которых выглядел недостаточно солидно для своей должности.

Далее Стоун узнал, что «Скуп» сконструировала Лаборатория реактивного движения Калифорнийского технологического института в Пасадене в 1963 году. Его целью был сбор данных о любых организмах, которые могут существовать в «ближнем космосе», то есть в верхних слоях атмосферы. Строго говоря, это был армейский проект, но финансировался он Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства, которое считалось гражданской организацией. Однако на самом деле НАСА – правительственное агентство, работающее с военным департаментом. В 1963 году 43 % всех проектов НАСА было засекречено.

Теоретически, ЛРД разрабатывала спутник, который должен был собирать внеземные организмы и космическую пыль для последующего изучения. Это был чисто научный проект – просто чтобы удовлетворить любопытство, и поэтому ученые, работавшие над проектом, даже не подозревали, что на деле истинные цели их исследований были совсем другими.

А заключались они в поиске новых форм жизни, которые могли помочь в развитии программы «Форт-Детрик». Иными словами, правительство искало новое биологическое оружие.

Форт-Детрик в Мэриленде представлял собой целый комплекс разбросанных в хаотичном порядке зданий, в стенах которых занимались разработкой химического и биологического оружия. Располагался он на участке общим объемом в 526 гектара, а стоимость оценивалась в 100 миллионов долларов, что делало его одним из крупнейших исследовательских центров США. В открытом доступе находилось не более 15 процентов всех исследований, остальные же были засекречены, как, например, в Харли и Дагуэе. Харли – сверхсекретное учреждение, в основном занимающееся изучением вирусов. За последние десять лет в его стенах создали целый ряд вирусов, в том числе «Кэрри Нэшн» (который вызывал диарею) и штамм «Арнольд» (клонические судороги и смерть). Полигон Дагуэй, штат Юта, размерами превышал штат Род-Айленд и в основном использовался для испытания отравляющих газов, таких как «Табун», «Склар» и «Кафф-11».

Стоун знал, что основная масса американцев даже не догадывается об истинных масштабах исследований США в области химического и биологического оружия. Общие государственные расходы на данную отрасль превышали полмиллиарда долларов в год. Большинство этих средств направлялось в академические центры, например Чикагский университет, где исследования в области боевого оружия скрывались под крайне расплывчатыми формулировками. Однако так было не везде: например, в Университете имени Джона Хопкинса работали над «изучением фактических или потенциальных болезней, имеющих потенциальное значение для ведения биологической войны, а также оценкой химических и иммунологических реакций на определенные анатоксины и вакцины».

За последние восемь лет ни об одном из исследований работников данного университета ничего не было известно. Периодически в открытом доступе появлялись работы других университетов, таких как Чикагский или Калифорнийский, но военные расценивали их всего лишь как пробные шары – подобные статьи были в первую очередь направлены на запугивание иностранных агентов. Классическим примером данного направления считается работа Тендрона и соавторов под названием «Исследование токсина, прерывающего окислительное фосфорилирование путем кожной абсорбции».

В данной статье описан, но не назван прямым текстом впитывающийся через кожу яд, который способен менее чем за одну минуту убить человека. Более того, авторы признали, что его действие – довольно незначительное достижение в сравнении с другими токсинами, которые были созданы за последнее время.

Принимая во внимание усилия и огромные денежные средства, которые вливали в данную отрасль, можно было ожидать постоянного усовершенствования уже имеющегося биологического оружия или создания новых и более опасных токсинов, однако в период с 1961 по 1965 год этого так и не произошло. Уже в 1961 году подкомиссия сената по вопросам военной готовности пришла к выводу, что «результаты традиционных методов исследования признаны неудовлетворительными» и данная область науки «требует новых методов решения проблемы».

Именно их и намеревался найти генерал-майор Томас Спаркс в рамках проекта «Скуп».

В своем окончательном виде «Скуп» представлял собой программу по запуску семнадцати спутников на орбиту Земли с последующим возвращением на планету с образцами организмов. Стоун изучил результаты каждого запуска.

«Скуп-1», позолоченный спутник конической формы весом 17 килограмм, был запущен 12 марта 1966 года с базы Ванденберг в Пуриссима, Калифорния. Базу Ванденберг обычно использовали для запусков в направлении с севера на юг, в отличие от мыса Кеннеди, где использовали западно-восточное направление. У Ванденберга также имелось дополнительное преимущество: в отличие от мыса Кеннеди, там можно было сохранить большую секретность.

«Скуп-1» провел на орбите шесть дней, прежде чем его сбили. Он приземлился на болоте рядом с городом Афины, Джорджия. К сожалению, на нем обнаружили только обычные земные организмы.

«Скуп-2» сгорел при входе в атмосферу в результате отказа оборудования. Кроме него также сгорел и «Скуп-3», несмотря на новейшие теплозащитные экраны из пластика и вольфрама.

«Скуп-4» и «Скуп-5» в целости и сохранности извлекли из толщи Индийского океана и предгорий Аппалачей, однако в обоих случаях ничего нового не обнаружили, только безвредную разновидность *S. albus*, обычного представителя микрофлоры человеческой кожи. Результатом этих неудач стало улучшение процедур стерилизации спутников перед запуском.

«Скуп-6» был запущен в первый день наступившего 1967 года. Он являл собой компиляцию лучших наработок всех своих предшественников. На этот спутник, вернувшийся на Землю спустя одиннадцать дней, возлагали огромные надежды. Он приземлился неподалеку от Бомбея в Индии. За его извлечением тайно отправили 34-ю дивизию ВДВ, которая на тот момент дислоцировалась в Эвре, Франция. Эту дивизию приводили в полную боевую готовность во время запуска любого космического аппарата в соответствии с операцией «Скраб», которая была разработана на случай защиты капсул «Меркурий» и «Близнецы», если таковые будут вынуждены приземлиться на территории Советов или стран восточной коалиции. Это была единственная причина, по которой в первой половине 60-х годов США держали свои силы в Западной Европе.

«Скуп-6» нашли и доставили в США без каких-либо происшествий. Внутри обнаружили ранее неизвестную форму граммотрицательного, коагулазо- и триокиназоположительного одноклеточного организма коккобациллярной формы. Тем не менее никакого вредного воздействия на живых существ он не оказывал, за исключением домашних кур, да и те спустя четыре дня быстро приходили в себя.

Сотрудники Форт-Детрика уже было потеряли надежду на успешный исход операции «Скуп», однако руководство все же дало зеленый свет запуску «Скупа-7». Точная дата запуска до сих пор засекречена, но предполагают, что это произошло 5 февраля 1967 года. «Скуп-7» вышел на расчетную орбиту с апогеем 508 километров и перигеем 358 километров, где пробыл два с половиной дня. Затем спутник по неизвестным причинам внезапно сошел с орбиты, в связи с чем было принято решение дистанционно посадить его с Земли.

Предполагаемым местом посадки был пустынный район на северо-востоке Аризоны.

* * *

Где-то в середине полета Стоуна отвлек офицер, который поставил перед ним телефонный аппарат, после чего отошел на почтительное расстояние.

– Да? – ответил Стоун. Он чувствовал себя странно: до этого он никогда не разговаривал по телефону в самолете.

– На связи генерал Маркус, – отработовал на том конце чей-то усталый голос. Стоун понятия не имел, кто это такой. – Хотел доложить, что мы вызвали всех членов команды, за исключением профессора Кирка.

– Почему?

– Профессор Кирк в больнице, – сказал Маркус. – Мы сообщим детали, когда вы приземлитесь.

На этом разговор закончился, и Стоун вернул телефонный аппарат офицеру. Пару мгновений он обдумывал, как отреагировали другие члены команды, когда их подняли из постели.

Во-первых, Ливитт. Он-то наверняка быстро сориентировался. Клинический микробиолог обладал огромным опытом лечения инфекционных заболеваний. В свое время он повидал

столько эпидемий, что просто не мог не отреагировать быстро. Кроме того, он был закоренелым пессимистом: однажды он признался, что уже на свадьбе подсчитывал, сколько алиментов ему придется выплачивать будущей бывшей жене. Этот раздражительный, ворчливый, крупный мужчина с угрюмым выражением лица вечно смотрел на мрачное будущее тоскливым взглядом. Однако помимо этого он был здравомыслящим человеком, обладал богатым воображением и не боялся мыслить смело.

Далее шел патологоанатом Бертон из Хьюстона. Стоун недолюбливал Бертон, хотя и отдавал должное его научным познаниям. Они были абсолютной противоположностью: Стоун любил организованность, а Бертон был небрежен; Стоун держал все под контролем, Бертон же поступал импульсивно и порой необдуманно; Стоун вел себя чересчур самоуверенно, Бертон общался нервно и слегка раздражительно. Коллеги за глаза прозвали его Растяпой отчасти из-за способности споткнуться о развязанные шнурки и мешковатые манжеты брюк, отчасти из-за невероятной способности наткнуться на одно важное открытие за другим.

Следующим по списку был Кирк, антрополог из Йеля, который, судя по всему, не сможет приехать. В таком случае Стоуну будет его не хватать. Кирк был щеголеватым франтом, по какой-то случайности наделенным великолепным умом. Он мигмом улавливал суть проблемы и, оперируя имеющимися данными, всегда приходил к правильному умозаключению. Несмотря на то что он порой не мог свести собственные финансовые счета, к нему часто обращались за помощью для решения самых сложных абстрактных задач даже именитые математики.

Стоуну будет его не хватать, потому что пятый мужчина им в этом деле точно не помощник. Он нахмурился при одной только мысли о Марке Холле. В данном случае ему пришлось идти на компромисс – Стоун предпочел бы получить в команду врача, имеющего опыт работы с заболеваниями обмена веществ, и с большой неохотой согласился на обычного хирурга. Холла активно продвигали Министерство обороны и Комиссия по атомной энергии, поскольку верили в «гипотезу о решающем голосе случайного человека», и в конце концов Стоун и остальные уступили.

Стоун вовсе не знал Холла и задумался, как тот отреагирует на вызов. Он даже не подозревал о вынужденной задержке уведомления членов команды. Он не знал, что патологоанатома Бертон вызвали только в пять утра, а микробиолога Питера Ливитта – в полседьмого, когда он уже приехал в больницу.

Холлу же сообщили только в пять минут восьмого.

* * *

Позже Марк Холл рассказывал, что «это было ужасно. За одно мгновение меня швырнули из привычного мира в полную неизвестность». Без пятнадцати семь Холл стоял в уборной, примыкающей к операционной номер семь, и готовился к своей первой операции за день. Это была обычная рутина, которой он занимался на протяжении последних нескольких лет. Он был спокоен, перешучивался с врачом-ординатором и замыкался вместе с ним.

После всех приготовлений он вошел в операционную, держа руки на весу. Медсестра на входе протянула ему полотенце, чтобы он вытер их насухо. Помимо нее в операционной находились еще один ординатор, который уже готовил пациента к операции, обрабатывая того растворами йода и спирта, и вторая медсестра. Все поприветствовали друг друга.

Холл имел репутацию резкого, вспыльчивого и непредсказуемого хирурга. Он работал быстро, почти в два раза быстрее, чем остальные хирурги больницы. Когда операция протекала спокойно, он смеялся и шутил, позволяя себе колкости в адрес ординаторов, медсестер и анестезиологов. Однако если дела шли не так, если во время операции случались осложнения, Холл становился мрачнее тучи.

Как и большинство хирургов, он предпочитал рутину. Все должно было протекать в привычном темпе. Если что-то шло не по плану, это выводило его из душевного равновесия.

Поскольку все были в курсе его характера, то с опасением взглянули на обзорную галерею, когда там вдруг появился Ливитт. Он щелкнул громкоговорителем и произнес:

– Здравствуйте, Марк.

Холл накрывал пациента зеленой стерильной тканью, оставляя свободной область живота. Он с удивлением посмотрел на Ливитта.

– Приветствую, Питер.

– Извините за беспокойство, но дело срочное.

– Подождете, – отрезал Холл. – Я только приступил.

Он закончил подготовку операционного поля и попросил скальпель для кожи, затем пропальпировал живот в поисках ориентиров для правильного разреза.

– Боюсь, времени ждать нет, – не уступал Ливитт.

Холл ничего не ответил. Он отложил скальпель и вновь взглянул наверх. Последовало долгое молчание.

– Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– Придется отменить операцию. Это срочно, – спокойным голосом произнес Ливитт.

– Питер, пациент уже под наркозом. Нужно приступать к работе. Я не могу просто...

– Вас заменит Келли.

Келли был одним из штатных хирургов больницы.

– Что?

– Он уже замыкается, – сказал Ливитт. – Все уже решено. Встретимся в раздевалке. У вас полминуты.

И ушел.

Холл окинул присутствующих свирепым взглядом. Никто не издал ни звука. Спустя мгновение он снял перчатки и вышел из комнаты, напоследок еще раз громко выругавшись.

* * *

Холл полагал, что его роль в проекте «Лесной пожар» будет в лучшем случае малозначительной. Ливитт, заведующий бактериологическим отделением больницы, вышел на него 1966 году и в общих чертах объяснил цель проекта. Холла позабавило происходящее, и он согласился присоединиться к команде. Однако в глубине души он надеялся, что его никогда и никуда не вызовут.

Ливитт планировал держать Холла в курсе последних событий, касающихся проекта, и вначале даже приносил тому документы, но вскоре стало ясно, что хирург даже не утруждает себя их чтением. Ливитт прекратил поставлять ему новые данные, что пришлось по душе Холлу, который только обрадовался тому, что больше не придется захламлять рабочий стол.

Годом ранее Ливитт уточнял у Холла, не передумал ли тот, ведь в будущем их работа может стать крайне опасной.

Хирург ограничился коротким «нет».

Однако теперь Холл горько жалел о своих словах. Они стояли в крохотной раздевалке без окон, со всех сторон окруженные шкафчиками. В центре расположился столик с огромной кофеваркой и стопкой бумажных стаканчиков. Ливитт налил себе кофе с мрачным выражением лица, которое очень напоминало морду бассет-хаунда.

– Наверняка кофе ужасный. В этой больнице приличного кофе не найти. Поторопитесь.

– Не хотите рассказать, почему...

Холл начал было расспрашивать Ливитта, но тот его перебил:

– Нет, не хочу. Переодевайтесь. Снаружи нас ждет машина. Мы опаздываем. Возможно, уже опоздали.

Холла всегда раздражала угрюмая и даже напыщенная манера речи микробиолога.

Тот тем временем громко отхлебнул свой кофе и скривился:

– Как я и подозревал. Как вы вообще его пьете? Быстрее, пожалуйста.

Холл отпер свой шкафчик и распахнул его ногой, затем облокотился о дверцу и снял черные полиэтиленовые бахилы, призванные предотвратить накопление статических зарядов.

– Наверняка все это как-то связано с вашим клятым проектом.

– Совершенно верно, – ответил Ливитт. – Поторопитесь. Машина ждет. Нам нужно успеть в аэропорт, а то еще в пробку попадем.

Холл быстро и на автомате переоделся. Происходящее сбило его с толку. Почему-то он думал, что до этого никогда не дойдет. Они с Ливиттом направились к выходу. Снаружи перебивающийся в утренних лучах седан оливкового цвета мигом подъехал к тротуару с включенными мигалками. Внезапно Холл наконец понял, что Ливитт не шутит, что сейчас вообще не до шуток. Он попал в какой-то кошмар.

* * *

Питер Ливитт, в свою очередь, тоже недолюбливал Холла. Ливитт вообще терпеть не мог практикующих врачей. Несмотря на наличие степени доктора, Ливитт посвятил всю свою жизнь теоретическим исследованиям в области клинической микробиологии и эпидемиологии, а специализировался он на паразитологии. Он успел объехать весь мир, изучая различных паразитов, и даже открыл миру бразильского цепня *Taenia renzi*, которого описал в статье, вышедшей в 1953 году.

Однако со временем Ливитт перестал путешествовать. Он часто приговаривал, что «лечение больных – дело молодых, а когда в пятый раз заболеваешь дизентерией, пора и честь знать». Этот пятый раз Ливитта произошел в Родезии в 1955 году. Он три месяца пролежал в больнице и потерял около двадцати килограммов. После этого случая он уволился с государственной службы и принял должность заведующего микробиологическим отделением в больнице, понимая, что только так сможет посвятить значительную часть своего времени исследованиям.

В больнице у него была репутация превосходного клинического бактериолога, но сердце его было отдано паразитам. В период с 1955 по 1964 год он опубликовал целую серию высоко оцененных коллегами статей, в которых описал метаболизм аскарид и некаторов.

Благодаря такой репутации Ливитта и позвали в «Лесной пожар», и именно через Ливитта пригласили Холла, о чем тот даже не подозревал.

Когда Холл спросил Ливитта, почему выбрали его, обычного хирурга, тот ответил:

– Да, вы хирург, но разбираетесь в электролитах.

– И?

– Это крайне важно. Химический состав крови, pH, кислотность и щелочность. Ваши знания могут пригодиться.

– Но ведь в этой области есть много других специалистов, – заметил Холл. – И большинство разбираются лучше меня.

– Да, но все они женаты.

– Не понял?

– А нам нужен холостяк.

– Почему?

– Крайне необходимо, чтобы один из членов команды был неженатым.

– Бред какой-то, – покачал головой Холл.

– Возможно, – ответил Ливитт. – А может, и нет.

Они вышли из больницы и подошли к армейскому седану. Ожидающий их молодой офицер чопорно отсалютовал.

– Доктор Холл?

– Да.

– Пожалуйста, предъявите документы.

Холл протянул ему пластиковую карточку с фотографией. Он таскал ее в своем бумажнике больше года. Странный был документ – всего лишь имя, фотография и отпечаток большого пальца. Ничто не указывало на официальный статус этой карточки.

Офицер изучил карточку, посмотрел на Холла, затем вновь перевел взгляд на фотографию и вернул ее.

– Спасибо, сэр.

Он открыл дверцу седана. Холл уселся на заднем сиденье, за ним внутрь зашел Ливитт, прикрывая глаза от красной мигалки на крыше машины.

– В чем дело?

– Ничего. Просто не люблю мигающий свет. Напоминает о днях, когда я работал водителем «скорой» во время войны.

Ливитт откинулся на спинку кресла, и машина тронулась.

– Как только доберемся до аэродрома, вам дадут папку с документами. Будет что почитать во время полета.

– Какого полета?

– На истребителе Ф-104, – ответил Ливитт.

– Куда?

– В Неваду. Постарайтесь войти в курс дела. Как только прилетим, свободного времени уже не будет.

– А другие?

Ливитт бросил взгляд на часы.

– Кирк попал в больницу с острым аппендицитом. Остальные уже приступили к работе. Прямо сейчас они пролетают в вертолете над Пидмонтом, штат Аризона.

– Никогда о таком не слышал, – буркнул Холл.

– Да никто не слышал, – произнес Ливитт. – До сегодняшнего дня.

6. Пидмонт

В 09:59 того же утра с бетонной площадки сверхсекретного ангара номер девять базы Ванденберг в воздух поднялся вертолет К-4 и полетел на восток, в сторону Аризоны.

Распоряжение отправиться именно с этой площадки отдал майор Менчик, который беспокоился, что команда может привлечь внимание: все трое мужчин, пилот и двое ученых, были одеты в прозрачные пластиковые надувные костюмы и напоминали то ли огромных марсиан, то ли воздушные шары на параде Дня благодарения, как заметил один из техников ангара.

Когда вертолет поднялся в ясное утреннее небо, два пассажира (а ими были Джереми Стоун и Чарльз Бертон) осмотрели друг друга. Они оба прибыли в Ванденберг всего несколько часов назад, Стоун из Стэнфорда, а Бертон – из Бейлорского университета в Хьюстоне.

Патологоанатому Бертону исполнилось пятьдесят четыре года, он занимал должность профессора в Медицинской школе Бейлора, а также консультировал Центр пилотируемых космических полетов НАСА в Хьюстоне. До этого он проводил исследования по вопросам влияния бактерий на человеческие ткани в Национальном институте Бетесды.

Именно эта жизненно важная область науки оставалась практически незамеченной, когда Бертон вознамерился твердо изучить этот вопрос. Хотя человечество понимало, что микробы вызывают болезни еще со времен гипотезы Генле в 1840 году, до середины XX века о том, почему и как это происходит, ничего не было известно. Никто не понимал точных механизмов развития патологии.

Бертон, как и многие другие до него, начал с *Diplococcus pneumoniae*, возбудителя пневмонии. До открытия пенициллина в сороковых годах ученые интересовались пневмококками, однако в пятидесятые интерес академиков, как и финансовые вливания в эти исследования, постепенно сошли на нет. Бертон перешел на *Staphylococcus aureus*, распространенный кожный патоген, вызывающий прыщи и гнойники. Вначале коллеги над ним посмеивались: стафилококк, как и пневмококк, был крайне чувствителен к действию пенициллина. Они считали, что Бертон взялся за заведомо пропадающую работу.

Так оно и было в течение последующих пяти лет. Денег не хватало, и Бертон часто просил помощи у различных фондов и филантропов. Однако он не сдавался, терпеливо изучая защитные свойства оболочки клеточной стенки, вместе с тем открыв с полдюжину токсинов, которые выделяли бактерии для поражения тканей, распространения инфекции и разрушения эритроцитов.

Неожиданно в 50-х появились первые устойчивые к воздействию пенициллина штаммы стафилококка. Новые штаммы были крайне опасны, обладали повышенной вирулентностью и часто приводили к смертельному исходу, в том числе – абсцессу головного мозга. Почти в мгновение ока Бертон узнал, что его работа приобрела огромное значение. Десятки лабораторий по всей стране спешно перепрофилировались на изучение стафилококка, который находился у всех на слуху. За один только год количество денежных средств, выделяемых Бертону, увеличилось с шести до трехсот тысяч долларов. Вскоре после этого он стал профессором патологической физиологии.

Однако Бертон не особо гордился своими достижениями. Он понимал, что ему всего лишь повезло оказаться в правильном месте и в правильное время. А так он всего лишь занимался правильным делом.

Теперь он задавался вопросом, во что выльется это задание.

Сидящий напротив него Джереми Стоун пытался не выдать свою неприязнь к внешнему виду Бертона – под пластиковым костюмом скрывалась поношенная клетчатая спортивная рубашка с непонятным темным пятном на левом грудном кармане и помятые брюки. Даже волосы, по мнению Стоуна, были взлохмачены и неопрятны.

Он уставился в окно, пытаясь отогнать мысли о Бертоне.

– Пятьдесят человек, – он покачал головой. – И все умерли в течение восьми часов после приземления «Скупа-семь». Как они заразились?

– Воздушным путем, – предположил Бертон.

– Скорее всего.

– Погибли только те, кто находился в непосредственной близости от города? Есть ли пострадавшие за пределами Пидмонта? – продолжал Бертон.

Стоун покачал головой:

– Я попросил военных отслеживать все возможные происшествия, но пока что никаких трупов за чертой города не обнаружили.

– Ветра не было?

– Нам очень повезло. Прошлым вечером ветер с севера так и завывал до четырнадцати километров в час, но к полуночи утих. Говорят, для здешних краев это весьма необычно.

– На наше счастье.

– Да, – Стоун кивнул. – Нам повезло и в другом смысле. В радиусе почти двухсот километров нет ни одного крупного поселения. Конечно, на севере расположен Лас-Вегас, на западе Сан-Бернардино и Финикс на востоке. Не ровен час, зараза доберется и туда.

– Пока безветренно, у нас есть время.

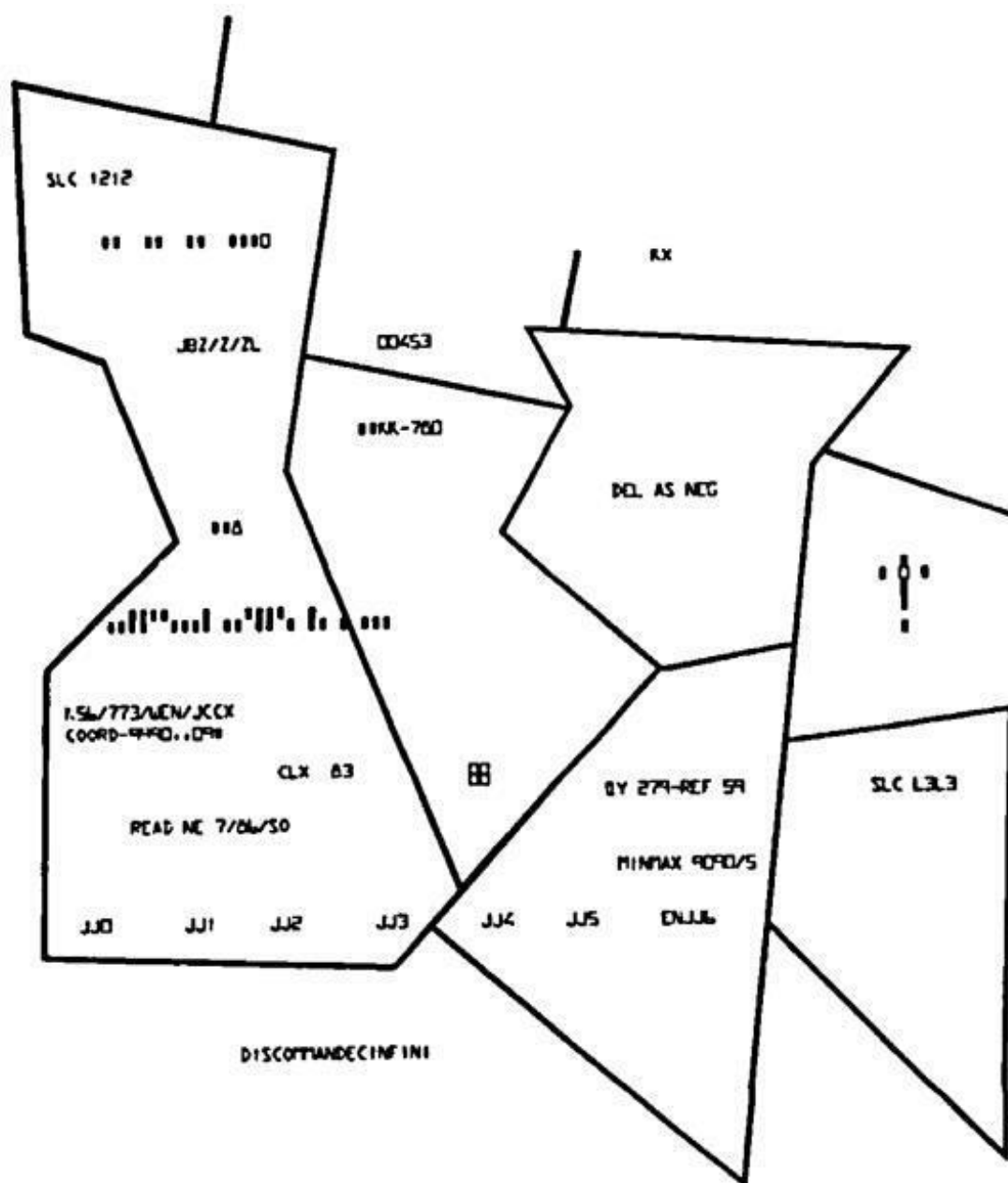
– Предположительно.

Следующие полчаса ученые обсуждали возможность дальнейшего распространения болезни, склонившись над кипой карт, составленных за ночь компьютерным отделом Ванден-берга. Эти карты использовали для сложного комплексного анализа географических факторов; в данном случае на них была изображена юго-западная часть США с указанием количества населения и направлением ветров.

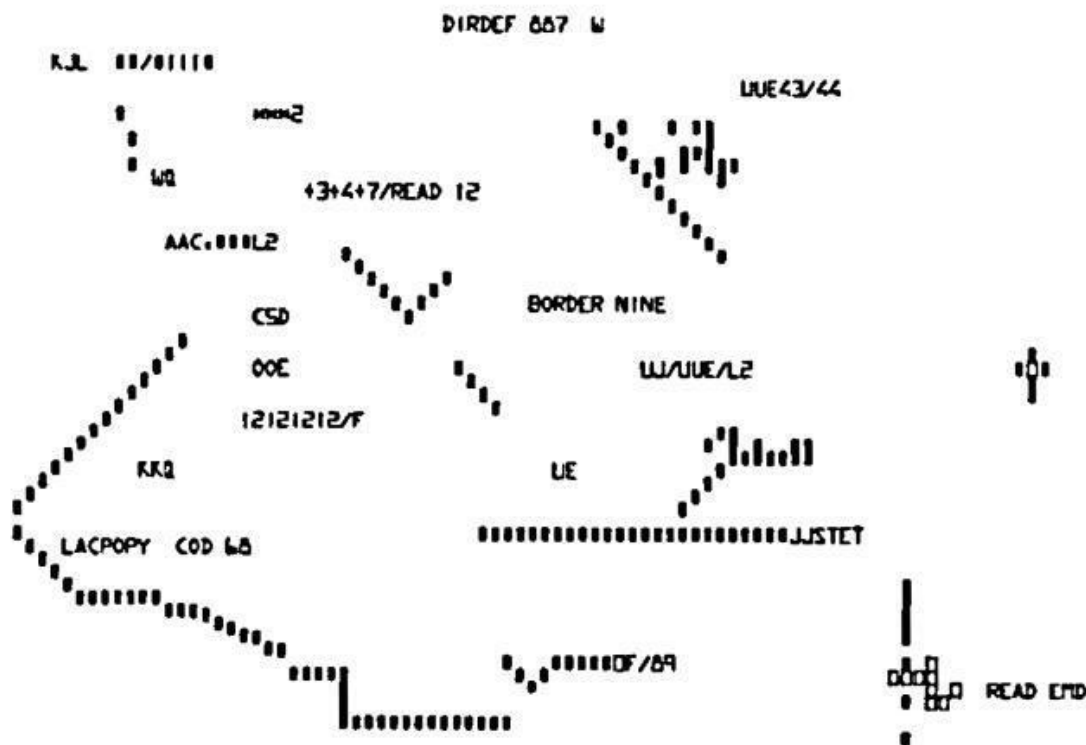

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРИЛОЖЕНИЮ: КАРТЫ.

Данные схемы представляют собой пример поэтапного составления компьютерных схем. Первая схема – относительно стандартная карта с указанием компьютерных координат вокруг населенных пунктов и иных важных областей.

Вторая схема составлена с учетом направления ветров и плотности населения.

Третье изображение – компьютерная проекция конкретного сценария, основанного на влиянии ветра и плотности населения.

Ни одна из вышеприведенных карт не принадлежит и не является результатом фактической работы проекта «Лесной пожар».

(Предоставлено General Autonomics Corporation)

Затем ученые начали обсуждать возможную скорость наступления смерти. Они прослушали запись из фургона и сошлись во мнении, что все жители Пидмонта умерли внезапно.

– Даже если перерезать человеку горло, – сказал Бертон, – он не умрет так быстро. Потеря сознания от повреждения сонных артерий и яремных вен все равно займет минимум от десяти до сорока секунд, а смерть – не менее минуты.

– Кажется, в Пидмонте все произошло буквально за пару секунд.

Бертон пожал плечами.

– Травма? Удар по голове?

– Или нервнопаралитический газ.

– Возможно.

– Или же что-то похожее. Если бы мы имели дело с блокированием каких-то ферментных систем, вроде действия мышьяка или стрихнина, это также заняло бы пятнадцать-тридцать секунд, а то и больше. Но блокада нервных импульсов, или нервно-мышечного узла, или корковое отравление – вот они могут занять мало времени и вызвать почти мгновенную смерть.

– Быстродействующий газ, – предположил Бертон, – с высокой диффузной способностью проникать через легкие.

– Или кожу, – подхватил Стоун. – Слизистые оболочки, да что угодно. Сойдет любая пористая поверхность.

Бертон провел рукой по своему костюму.

– Если этот газ так легко диффундирует...

– Вот скоро и выясним, – Стоун слабо улыбнулся.

* * *

По внутренней связи раздался голос пилота:

– Приближаемся к Пидмонту, господа. Жду дальнейших указаний.

– Сделайте один круг над городом, мы хотим взглянуть сверху, – попросил Стоун.

Вертолет круто накренился. Ученые выглянули в иллюминатор и увидели под собой раскинувшийся городок. За прошедшую ночь сюда уже слетелись стервятники, которые плотным кольцом копошились вокруг мертвых тел.

– Этого я и боялся, – выдохнул Стоун.

– Они могут распространить инфекцию. Съесть мясо инфицированных людей и разнести повсюду в своем организме. Что будем с ними делать?

Стоун кивнул.

– Выпустим газ, – он включил переговорное устройство. – Канистры с газом при вас?

– Так точно, сэр.

– Еще один круг, чтобы накрыть весь город.

– Есть, сэр.

Вертолет наклонился и пошел на разворот. Вскоре земля исчезла в облаках бледно-голубого газа.

– Что это? – спросил Бертон.

– Хлоразин. В низких концентрациях крайне полезен для метаболизма птиц. У них крайне высокая скорость обмена веществ, ведь птицы состоят из сплошных мускулов и перьев. Средняя частота сердцебиения составляет сто двадцать ударов в минуту, и многие виды за день съедают больше, чем весят сами.

– Газ-разобщитель?

– Ага. Сейчас все свалится замертво.

Вертолет накренился, затем завис. Газ медленно рассеивался на слабом северном ветру, постепенно открывая взгляду землю, на которой лежали сотни птиц. Некоторые еще судорожно похлопывали крыльями, но большинство уже погибли.

Стоун нахмурился, изучая местность. Где-то в глубине души он понимал, что проглядел что-то. Какой-то факт, важную деталь, которую им подсказало поведение птиц, что-то, что он ни в коем случае не должен упустить из виду.

– Какие будут дальнейшие указания, сэр? – напомнил о себе пилот.

– Сбросим веревочную лестницу на главной улице. На поверхность не садитесь, зависнуть максимум на высоте шести метров. Понятно?

– Так точно, сэр.

– Как только мы спустимся вниз, поднимитесь на высоту сто пятьдесят метров.

– Есть, сэр.

– Вернетесь, когда мы подадим сигнал.

– Есть, сэр.

– И если с нами что-нибудь случится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.